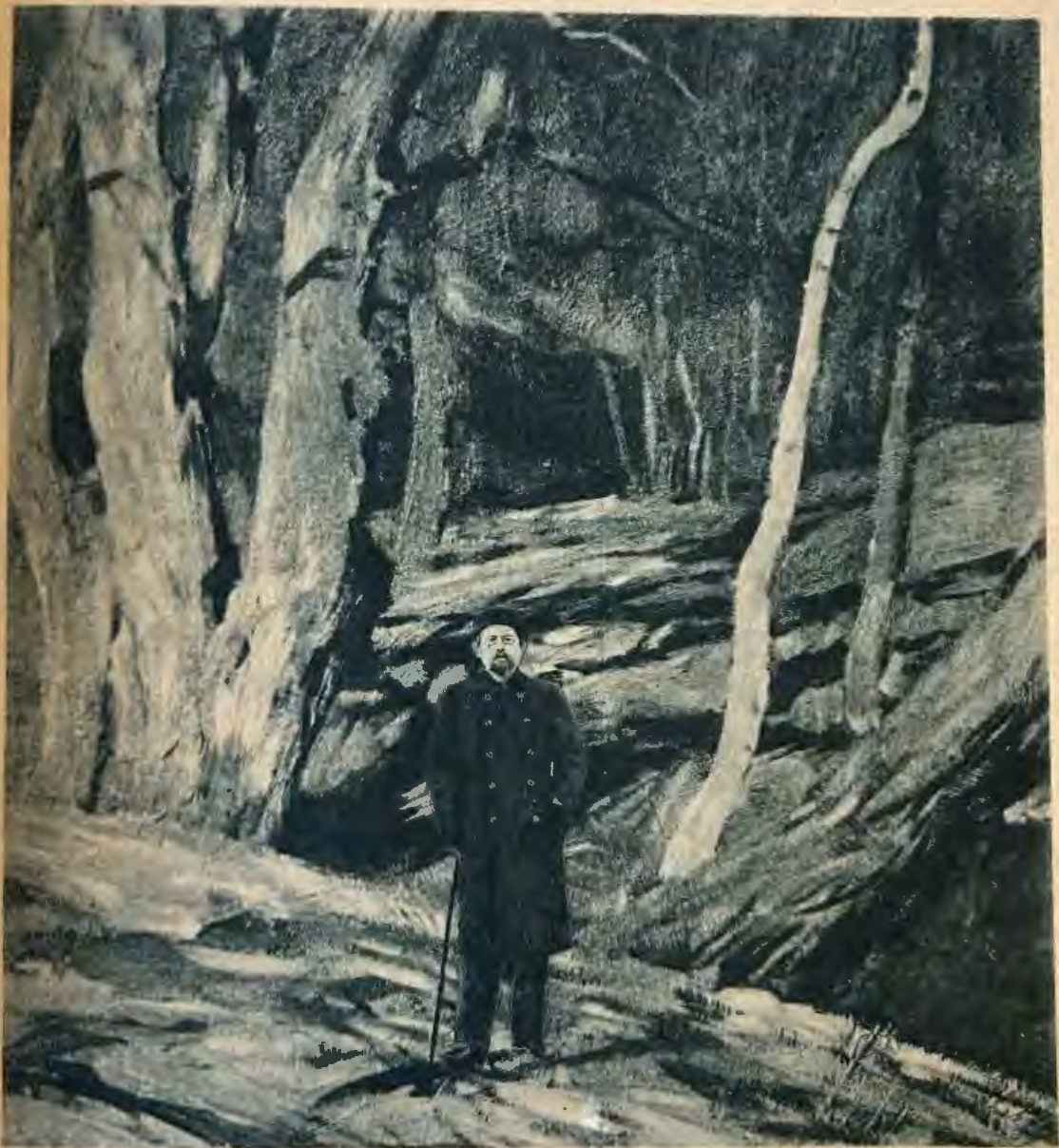

„На памятникъ
Чехову“

Стухи и проза.

1906.

I.

А. П. Чеховъ,

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ О НЕМЪ И ПИСЬМАМЪ

(Опытъ характеристики).

А. П. Чеховъ въ 1884 году.

Ни объ одномъ русскомъ писателѣ еще не появлялось въ короткій срокъ одного года послѣ его кончины такого количества воспоминаній о немъ, рассказовъ о встрѣчахъ съ нимъ, случайныхъ разговоровъ и подхваченныхъ на лету „словечекъ“, отрывковъ изъ писемъ и т. д., при общемъ благоговѣйно-любовномъ отношеніи къ его личности и какой-то особой сердечной симпатіи къ его духовному облику, какъ объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ. И если были въ томъ числѣ весьма незначительныя сообщенія о встрѣчахъ и знакомствѣ, которые не избѣгли въ свое время остроумной пародіи г. Дорошевича (въ „Русск. Сл.“), то остался рядъ очерковъ-воспоминаній о Чеховѣ авторовъ съ крупными литературными именами, давшихъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ освѣщеніе личности „несравнимаго художника“, какъ называлъ Чехова Левъ Никол. Толстой, и подошедшихъ къ его оцѣнкѣ съ разныхъ сторонъ. Быть можетъ, мы теперь еще не получаемъ полного, законченнаго образа, во всей сложности дарованій художника и

свойствъ человѣка, но главнѣйшія черты его духовнаго облика намѣчаются достаточно рельефно—и это почти непосредственно послѣ его кончины. Чехову въ данномъ отношеніи исключительно повезло.

Произошло оно, конечно, не случайно. Всѣ воспоминанія и характеристики свидѣтельствуютъ прежде всего о необыкновенномъ обаяніи Чехова, которому подчинялись лично его знавшіе, объ его умѣніи съ каждымъ обойтись не только привѣтливо, но съ какой-то задушевной лаской, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онъ давалъ отпоръ, уходилъ въ себя, старался отдѣлаться, принявъ сухой тонъ или прибѣгая къ насмѣшкѣ. Но чтобы вызвать этотъ отпоръ, нужны были особенныя причины, и даже въ такихъ случаяхъ онъ старался избѣгать всякой рѣзкости. Его любили многіе, люди разныхъ взглядовъ и направленій, разныхъ темпераментовъ и убѣжденій. Любили больше знавшіе его, чѣмъ даже многіе цѣнители и почитатели его произведеній, такъ какъ далеко не всѣ, признававшіе его крупный литературный талантъ, относились съ одинаковой симпатіей къ его настроеніямъ. Теперь говорятъ даже, что „чеховская Россія“ умерла. Это невѣрно: она преобразуется, но въ основныхъ чертахъ живетъ, несмотря на рѣзкую переменъ внѣшнихъ условій и даже переменъ настроеній—живетъ хотя бы „потенціально“ въ каждомъ изъ насъ, какъ неизмѣнно живы гоголевскіе типы и характеры, тургеневскіе „герои“ и женскіе образы, щедринскія изобличенія свойствъ русскаго человѣка и т. д. Мы еще вернемся къ Чехову, когда пройдетъ острый періодъ переустройства нашего гражданскаго быта, вернемся потому, что во многомъ обязаны ему той „переоцѣнкой цѣнностей“, изъ которой создаются основы обновленной, свободной страны.

Личное обаяніе Чехова, повидимому, зависѣло не только отъ того, что онъ и въ жизни сохранялъ отличительныя свойства своихъ дарованій, какъ писателя, проявлялъ необыкновенную чуткость, воспріимчивость, былъ находчивъ и безконечно остроуменъ въ бесѣдѣ, также какъ и въ письмахъ и въ писаніяхъ, умѣлъ сразу найти мѣткое опредѣленіе, подсказать неожиданный выводъ—словомъ, что его творческая мысль работала не только, когда онъ „бралъ перо въ руки“, а въ постоянномъ обиходѣ жизни: какъ человѣкъ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ восполнялъ художника, и въ силу этого многое въ его литературной дѣятельности представляется съ инымъ значеніемъ въ освѣщеніи его личности. Къ этому сопоставленію чело­вѣка и писателя, нужно, конечно, относиться съ большою осторожностью. Поможетъ намъ самъ Чеховъ сразу намѣтить грань.

Въ одномъ изъ воспоминаній о немъ приводится слѣдующій отрывокъ разговора съ Чеховымъ: „Скажите, имѣетъ ли какое-нибудь отношеніе личная нравственность или безнравственность автора къ его таланту?

— Да, имѣетъ, — отвѣтилъ Антонъ Павловичъ: вотъ точно такое же, какъ большой или небольшой носъ у этого автора ¹⁾.

Отвѣтъ, вполне достойный чеховскаго остроумія. Дѣйствительно, давно пора было освободиться отъ той точки зрѣнія доктринальнаго морализма, съ которой подходили къ оцѣнкѣ писателей и художниковъ, и вмѣсто того, чтобы судить о произведеніяхъ искусства по существу, предъявляли къ авторамъ какой-то искъ въ ихъ моральной „благонадежности“, въ томъ или другомъ смыслѣ. Художникъ живетъ двойной жизнью, и процессы творчества, во многомъ бессознательные, не связаны органическою связью съ поступками, ни даже съ „добродѣтелью“ человѣка. За нравственное или безнравственное поведеніе художникъ можетъ дать отчетъ своему духовнику, буде таковой у него имѣется. Во всякомъ случаѣ онъ въ этомъ отношеніи подлежитъ общей отвѣтственности по существующимъ въ данное время нормамъ нравственности, какъ и всякій обыкновенный смертный. Непосредственнаго отношенія къ таланту нравственность или безнравственность автора не имѣетъ. Но объемъ и развитіе таланта, конечно, въ значительной степени обусловлены душевными свойствами писателя или художника, способностью реагировать на моральные запросы и чувствовать идеи нравственного порядка. Безъ этихъ свойствъ возможна лишь нѣкоторая внѣшняя виртуозность, безъ глубины и даже, сказали бы мы, безъ существеннаго содержанія. А какимъ образомъ „безнравственность“ можетъ порой загубить талантъ, объ этомъ съ достаточной выразительностью повѣствуетъ хотя бы посмертная книга „De profundis“ — Оскара Уайльда, который раскрылъ въ ней весь трагизмъ своей бурно прожитой жизни. Но грустные итоги ея не умаляютъ значенія роскошнаго расцвѣта таланта въ ту пору, когда онъ считалъ себя освободившимся отъ всякихъ счетовъ съ моралью, сохранивъ, однако, способность всю жизнь ощущать ея запросы. Впрочемъ, какъ уже замѣчено, вопросъ не въ поведеніи человѣка, а именно въ свойствахъ его духовной организаціи, въ способности понимать и откликаться на требованія этики. Тутъ связь несомнѣнная.

Чехова не менѣе чѣмъ самыхъ выдающихся нашихъ художниковъ слова тревожили проблемы нравственности, и его личные ду-

¹⁾ Вор. Лазаревскій, въ „Журн. для всехъ“. См. библіографію въ концѣ статьи.

шевные свойства стоятъ въ полной гармоніи съ его дѣятельностью, какъ писателя; указанное соотношеніе возвышаетъ интересъ къ чело-вѣку, параллельно заслугамъ писателя. Въ чемъ же именно выражалось соотвѣтствіе чело-вѣка и писателя въ лицѣ Чехова, въ чемъ воспоминанія его личности восполняютъ намъ образъ художника, исправляя нѣкоторые ошибочныя сужденія о немъ, сложившіяся въ обществѣ на основаніи тѣхъ или другихъ его произведеній?

Напомнимъ прежде всего, что Чеховъ оставилъ намъ двѣ своихъ автобіографій. Одна изъ нихъ въ шутливомъ тонѣ приведена въ воспоминаніяхъ Вл. А. Тиханова ¹⁾.

«... Вамъ нужна моя біографія? Вотъ она. Родился я въ Таганрогѣ въ 1860 г. (17-го января). Въ 1878 г. кончилъ курсъ въ таганрогской гимназій. Въ 1884 г. кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1888 г. получилъ пушкинскую премію. Въ 1890 г. совершилъ путешествіе на Сахалинъ и обратно моремъ. Въ 1891 г. совершилъ турнѣ по Европѣ, гдѣ пилъ прекрасное вино и ѣлъ устрицъ. Въ 1892 г. гулялъ на именинахъ съ В. А. Тихоновымъ. Писать началъ въ 1879 г. въ «Стрекозѣ». Сборники мои суть: «Пестрые рассказы», «Въ сумеркахъ», «Хмурые люди», и повѣсть «Дуэль». Грѣшилъ и по драматической части, хотя и умѣренно. Переведенъ на всѣ языки, за исключеніемъ иностранныхъ. Впрочемъ, давно уже переведенъ нѣмцами. Чехи и сербы то же одобряютъ. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постигъ я, будучи 13 лѣтъ. Съ товарищами, какъ врачами, равно и литераторами, пребываю въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Холостъ. Желалъ бы получить пенсію. Медициной занимаюсь и даже настолько, что случается лѣтомъ произвожу судебно-медицинскія вскрытія, коихъ не совершалъ уже года 2—3. Изъ писателей предпочитаю Толстого, изъ врачей Захарьина.

«Однако, все это вздоръ. Пишите, что угодно. Если нѣтъ фактовъ, то замѣните ихъ лирикою...»

Другая автобіографія, написанная нѣсколькими (4—5) годами позже, послѣ 20 лѣтъ литературной дѣятельности, выдержана въ болѣе серьезномъ стилѣ. Она была сообщена д-ромъ Г. И. Россоломо въ „Русск. Вѣдом.“ ²⁾ отъ неизвѣстнаго друга Антона Павловича. Опуская даты и факты, перечисленные въ первой автобіографіи, приведемъ замѣчанія А. П. по поводу избранной имъ первоначально профессіи врача. Чеховъ признается, что когда онъ выбралъ, при зачисленіи въ университетъ, медицинскій факультетъ, то, „вообще о факультетахъ имѣлъ тогда слабое понятіе“ и не помнитъ, по какимъ соображеніямъ остановился на этомъ выборѣ, — „но въ выборѣ потомъ не раскаявался“.

¹⁾ „Міръ Божій“, 1905 г. Августъ.

²⁾ 1904 г. Іюль.

«Не сомнѣваюсь,—писалъ далѣе А. П.,—занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность: они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня на сторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать вовсе. Замѣчу, кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными: нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что онъ имѣетъ дѣло со свѣдущимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу; къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать. Что касается практической медицины, то еще студентомъ я работалъ въ воскресенской земской больницѣ (близъ Новаго Іерусалима), у извѣстнаго земскаго врача П. А. Архангельскаго, потомъ недѣлю былъ въ звенигородской больницѣ. Въ холерные годы (1892—1893) завѣдывалъ мелиховскимъ участкомъ Серпуховскаго уѣзда».

Чрезвычайно характерно тутъ признаніе Чехова о значеніи, придаваемомъ имъ усвоенному научному методу, объ уваженіи къ наукѣ, вообще, и о настоятельной заботѣ соображаться съ научными данными, или — „не писать вовсе“. Этимъ опредѣляется его основное стремленіе къ правдѣ, къ наивозможно объективной, полной правдѣ, которая не должна быть заслоняема даже въ тѣхъ случаяхъ, когда неизбежна нѣкоторая условность въ художественной передачѣ явленій жизни. Сознваемая „условность“ уже не есть фальшь или обманъ: всѣмъ ясно, почему художникъ долженъ былъ къ ней прибѣгнуть. Уже само по себѣ, это всецѣлое, безкорыстное и настойчивое стремленіе къ правдѣ характеризуетъ высокій подъемъ душевныхъ силъ въ писателѣ, который избралъ трудный путь служенія отвлеченному принципу, не сдаваясь ни на какіе компромиссы не только въ угоду вкусамъ публики, но и собственнаго художественнаго темперамента, склоннаго къ шаржу, къ юмору, остротамъ, не всегда въ соотвѣтствіи съ научнымъ „методомъ“, или съ „научными данными“... Чеховъ подвергалъ себя постоянной провѣркѣ, долженъ былъ слѣдить за собою во имя поставленнаго себѣ имъ самимъ идеала.

Съ нимъ вполне вяжется и литературная программа Чехова, въ томъ видѣ, какъ онъ ее намѣтилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ

къ А. Н. Плещееву, ограждая себя отъ всякихъ упрековъ въ тенденціозности, объясняя свое независимое отношеніе къ партіямъ, и въ особенности выдвигая положеніе: „Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ“¹⁾... Девизъ „свободнаго художника“, который онъ себѣ избралъ, — „свобода отъ силы и лжи“, — при неуклонномъ служеніи правдѣ, побуждалъ его искать этой правды, идя своимъ путемъ, но въ то же время подвергая себя строгой внутренней дисциплинѣ, умѣя сдерживать свое я, достигая наивозможной объективности въ наблюденіяхъ и въ творческой работѣ.

О взаимоотношеніяхъ и соотвѣтствіи свойствъ писателя и человека мы находимъ нѣсколько любопытныхъ указаній въ воспоминаніяхъ г.г. Бунина и Куприна²⁾:

„Онъ удивительно умѣлъ владѣть собой и въ творчествѣ и въ жизни“, — пишетъ въ воспоминаніяхъ о Чеховѣ г. Бунинъ, добавляя при этомъ, что данное свойство отнюдь не исключало „рѣдкой душевной отзывчивости и пониманія всего съ малѣйшаго намека“. — Онъ рѣдко раздражался, а если и раздражался, то изумительно владѣлъ собой. — Но и холоднымъ я его не видѣлъ. Холоденъ онъ бывалъ, по его словамъ, только за работой, къ которой онъ приступалъ всегда уже послѣ того, какъ мысль и образы его будущаго произведенія становились ему совершенно ясны...

— Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ, какъ ледъ, — сказалъ онъ однажды.

„Холодность“ тутъ, очевидно въ смыслѣ умѣнья владѣть собой, внутреннего контроля³⁾.

Все это результаты дисциплины, указанной требованіями объективности творчества. Сдержанность, искренность и обаятельная простота въ отношеніяхъ — всѣ эти свойства, о которыхъ пишетъ г. Бунинъ, и въ разныхъ выраженіяхъ ихъ наличность у Чехова подтверждаетъ большинство авторовъ воспоминаній о немъ, представляются вполне естественными атрибутами неуклоннаго культа правды.

¹⁾ См. ниже, Письма.

²⁾ III сборникъ „Знанія“.

³⁾ Въ связи съ этимъ замѣчаніемъ стоитъ сообщеніе А. И. Куприна о томъ, какъ Чеховъ училъ, чтобы писатель оставался равнодушнымъ къ радостямъ и огорченіямъ своихъ героев. Г. Купринъ приводитъ при этомъ изустный разсказъ Чехова. „Въ одной хорошей повѣсти я прочелъ описаніе приморскаго ресторана въ большомъ городѣ. И сразу видно, что автору въ диковинку и эта музыка, и электрическій свѣтъ и ровы въ петлицахъ, и что онъ самъ любитъ на нихъ. Такъ нехорошо. Нужно стоять внѣ этихъ вещей и хотя знать ихъ хорошо до мелочи, но глядѣть на нихъ какъ бы съ презрѣніемъ, сверху внизъ. И выйдетъ вѣрно.“

И не просто правды, къ которой стремятся многіе, а какъ указано „научно обоснованной правды“; среди художниковъ это уже рѣдкость.

Итакъ, творчество Чехова слагалось изъ двухъ элементовъ: оно было субъективнымъ по формѣ и объективнымъ по содержанію; оригинальное сочетаніе художественнаго темперамента съ научнымъ методомъ изслѣдованія явленія.

Ради второй цѣли Чеховъ никогда не выставялъ впередъ своего я, такъ какъ правда должна быть одна для всѣхъ, а культъ я выдвигаетъ лишь субъективную правду. И это свойство проходило въ равной мѣрѣ черезъ жизнь и творчество Чехова. Вотъ нѣсколько вполне вѣрныхъ замѣчаній по этому поводу у г. Бунина:

„Въ своихъ работахъ онъ почти никогда не говорилъ о себѣ, о своихъ взглядахъ, о своихъ вкусахъ, что и повело, кстати сказать, къ тому, что его долго считали человѣкомъ безпринципнымъ, необщественнымъ... Въ жизни онъ также никогда не носился со своимъ я; очень рѣдко говорилъ о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ: „я люблю то то“.. „я не выношу того то...“ Это не чеховскія фразы... Но, прибавляетъ далѣе г. Бунинъ, симпатіи и антипатіи его были чрезвычайно устойчивы и опредѣленны, и среди его симпатій одно изъ первыхъ мѣстъ занимала именно естественность“. Это,—замѣтимъ кстати,—довольно отвлеченная „симпатія“. Какъ же указанные свойства Чехова проявлялись въ его отношеніяхъ къ людямъ?

О широкой доступности Чехова, внимательности ко всѣмъ и каждому, терпѣливости въ выслушиваніи даже совсѣмъ не интересныхъ ему признаній—имѣется цѣлый рядъ указаній въ воспоминаніяхъ о немъ разныхъ авторовъ. Только М. Горькій привелъ нѣсколько анекдотовъ, въ стилѣ разсказа самаго Чехова,—о введенномъ изъ себя редакторѣ журнала, который бросилъ пресъпапье въ черезъ чуръ назойливую посѣтительницу... Надо полагать, что самъ Чеховъ никогда не прибѣгалъ къ такимъ пріемамъ, даже состоя членомъ редакціи „Русской Мысли“ въ послѣдніе годы своей жизни... Возможно, что и разсказы г. Горькаго о трехъ дамахъ, пріѣхавшихъ къ Чехову съ разпросами о войнѣ и закончившихъ спорами о мармеладѣ, посѣщеніе товарища прокурора, который, неожиданно для себя, долженъ былъ перейти съ выпренинаго разговора о наказуемости преступниковъ на тему о грамофонахъ и любительской фотографіи ¹⁾ изложены талантливо

¹⁾ Нижегородскій сборникъ

вымъ авторомъ въ нѣсколько „беллетристической“ окраскѣ. Во всякомъ случаѣ эти анекдоты стоятъ одиноко въ обширномъ матеріалѣ воспоминаній о Чеховѣ, свидѣтельствующихъ, наоборотъ, объ его изумительномъ терпѣніи и сдержанности въ отношеніи ко всякаго рода посѣтителемъ. Интересны по этому поводу слѣдующія замѣчанія г. Куприна, который приводитъ ихъ съ оговоркой, что они нѣсколько щекотливаго свойства, и можетъ быть, не всѣмъ понравятся:

«Я глубоко убѣжденъ, пишетъ г. Купринъ,—въ томъ, что Чеховъ съ одинаковымъ проникновеннымъ любопытствомъ разговаривалъ съ ученымъ и съ разносчикомъ, съ просящимъ на бѣдность и съ литераторомъ, съ крупнымъ земскимъ дѣятелемъ и съ сомнительнымъ монахомъ, и съ приказчикомъ и съ маленькимъ почтовымъ чиновникомъ, отсылавшимъ ему корреспонденцію. Не оттого ли у него въ разсказахъ профессоръ говоритъ и думаетъ именно какъ старый профессоръ, а бродяга, какъ истый бродяга? И не оттого ли у него тотчасъ же послѣ его смерти отыскалось такое множество «закадычныхъ» друзей, за которыхъ онъ, по ихъ словамъ, былъ готовъ въ огонь и даже въ воду?

«Думается, что онъ никому не раскрывалъ и не отдавалъ своего сердца вполнѣ (была впрочемъ легенда о какомъ то его близкомъ любимомъ другѣ, чиновникѣ изъ Таганрога). Но ко всѣмъ относился благодушно, безразлично въ смыслѣ дружбы (курсивъ нашъ О. Б.), и въ то же время съ большимъ, быть можетъ, безсознательнымъ интересомъ».

Дѣйствительно вопросъ, поставленный г. Купринымъ, кажется, на первый взглядъ изъ числа „щекотливыхъ“ для оцѣнки свойствъ человѣка. Является ли это равномѣрно-внимательное отношеніе къ людямъ, къ ближнимъ и дальнимъ, результатомъ только большой выдержки, духовной дисциплины, о которой мы говорили выше, или же оно служить показателемъ дѣйствительной холодности сердца, отсутствія настоящихъ привязанностей у человѣка? Возможно третье объясненіе. Намъ эта черта представляется въ связи съ особымъ міропониманіемъ; она не исключаетъ вполнѣ личнаго чувства, но противоположна культу личности, какъ таковой, тому личному началу, которое въ рѣзкой формулировкѣ приводитъ къ заявленію мольеровскаго Альцеста (въ „Мизантропѣ“): „всеобщій другъ не можетъ быть мнѣ другомъ!“ А Чеховъ повидимому старался быть, или казаться „всеобщимъ другомъ“; поэтому онъ, конечно, ни съ какой стороны не подходитъ къ типу Мизантропа. Не подходитъ онъ, вообще, къ аристократическому типу (и въ этомъ мы расходимся съ показаніями нѣкоторыхъ авторовъ воспоминаній о Чеховѣ) людей съ ярко выдвинутымъ началомъ личности. Вѣдь то отношеніе къ людямъ,

которое, мѣтко указанное въ Чеховѣ г. Купринѣ, какъ бы смутило самого наблюдателя, вполне соответствуетъ характеристикѣ Толстымъ Платона Каратаева, въ его антитезѣ Пьеру Безухову: „привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ, не съ извѣстнымъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были передъ его глазами... Онъ любилъ свою шавку, любилъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдомъ; но Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, не смотря на всю свою ласковую нѣжность къ нему (которою онъ невольно отдавалъ должное духовной жизни Пьера), ни на минуту не огорчился бы разлукой съ нимъ. И Пьеръ тоже чувство начиналъ испытывать къ Каратаеву...“ Развѣ не было и у Чехова своихъ „шавокъ“, о которыхъ тотъ же г. Купринъ сохранилъ намъ столь живое и картинное описаніе (одну собаку звали „Тузикъ“, а другую „Каштанъ“... Антонъ Павловичъ не только няньчился съ ними, но и лечилъ. Былъ у него и ручной журавль... „Приходится повторять избитое мѣсто, пишетъ г. Купринъ въ этой главѣ объ отношеніи Чехова къ животнымъ и къ дѣтямъ,—но несомнѣнно, что тѣ и другіе инстинктивно тянулись къ Чехову“—потому что онъ самъ ихъ любилъ)? Развѣ не отплачивали ему за доброе отношеніе—„большой и сердечной любовью“ и всѣ люди, съ которыми онъ сталкивался: слуги, разносчики, носильщики, странники, почтальоны,—опять-таки по свидѣтельству г. Куприна, который сообщаетъ трогательный рассказъ о носильщикѣ-татаринѣ, который пристыдилъ помощника капитана, ударившаго его въ присутствіи Чехова: „Ты думаешь, ты меня ударилъ? Ты вотъ кого ударилъ!“—и показываетъ пальцемъ на Чехова“... Были, конечно, и у Чехова товарищи и друзья, которыхъ онъ любилъ, были и сосѣди и почитатели, къ которымъ онъ относился съ неизмѣнной лаской.—Это не безразличіе въ дружбѣ и не холодность сердца, а тоже любовь, но особая, отрѣшенная отъ всякой идеи собственности, быть можетъ одна изъ высшихъ формъ проявленія любви, при отсутствіи всякаго посягательства на чужую независимость; это, если угодно, нѣсколько отвлеченное чувство, но оно устойчивѣе другихъ. Развѣ не звучитъ грустной правдой замѣчаніе Герцена, что—„все личное быстро осыпается, этому обнищанію надо покориться“.

Между тѣмъ, обобщенное широкое чувство любви ко всему міру не только не „осыпается“, но приводитъ къ той формѣ пантеизма,

которая несомнѣнно послужила основой и міросозерцанія Чехова, въ зрѣлый періодъ его дѣятельности, отчасти отразилась въ монологѣ міровой души въ „Чайкѣ“: „Во мнѣ душа и Александра Великаго, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и послѣдней цѣвки. Во мнѣ сознанія людей слились съ инстинктами животныхъ, и я помню все, все, все, и каждую жизнь въ себѣ самой я переживаю вновь“. Эти строки—уже не пародія на „декадентскій жанръ“, а показатель дѣйствительныхъ стремленій и самого Чехова, который на самомъ дѣлѣ ставилъ себѣ задачей переживаніе чужихъ жизней въ себѣ самомъ, при чемъ ему равно дороги были и люди какого бы то ни было званія, и дѣти, и собака „Каштанка“, и въ концѣ концовъ даже цвѣты и растенія... ¹⁾ Людей онъ конечно выдѣлялъ и относился къ нимъ прежде всего съ глубокой вѣрой. Достаточно припомнить „Разсказъ старшаго садовника“.

Итакъ, къ полубезсознательнымъ свойствамъ натуры Каратаева, у Чехова прибавилось лишь сознательно выработанное пантеистическое міропониманіе и несомнѣнная пытливость художника, который былъ въ то же время и изслѣдователемъ жизни, привычнымъ къ обращенію съ „научнымъ методомъ“—отсюда и его любовь ко всѣмъ и ко всему, при кажущемся безразличіи въ дружбѣ.

Чеховъ не выдѣлялъ себя и какъ писателя. Не только изъ скромности, но какъ бы по сознательному расчету, онъ ограничивалъ свое самолюбіе тѣмъ, чтобы стать рядовымъ въ числѣ своихъ современниковъ, собратьевъ по перу, не возвышаясь надъ ними. „Авось всё вмѣстѣ что-нибудь да и напишемъ сообща“—говорилъ онъ Вл. А. Тиханову. Возвращаясь къ этой же мысли въ одномъ изъ писемъ къ автору воспоминаній, ²⁾ по поводу сообщеннаго имъ отзыва Н. П. Вагнера (Коть Мурлыка), что онъ считаетъ Чехова—„величайшимъ русскимъ писателемъ, слономъ между всѣми ими“, Антонъ Павловичъ написалъ: „Я, вопреки Вагнеру, вѣрую въ то, что каждый изъ насъ въ отдѣльности не будетъ ни „слономъ среди насъ“ и никакимъ либо другимъ звѣремъ, и что мы можемъ взять усиліями цѣлаго поколѣнія,—не иначе. Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Т., не К., не Щ., не Б., не В., а „восьмидесятые годы“, или „конецъ XIX столѣтія“. Нѣкоторымъ образомъ артель...“

Наперекоръ ожиданіямъ Антона Павловича, онъ самъ сталъ

¹⁾ По словамъ жены Чехова—Ольги Леонардовны Книперъ, Антонъ Павловичъ терпѣть не могъ, чтобы въ его присутствіи рвали, или срѣзали цвѣты.

²⁾ «Міръ Божій» 1905 г., августъ.

для насъ теперь именно Чеховымъ, а не однимъ изъ многихъ на ряду съ перечисляемыми имъ именами, и менѣе всего просто „восьмидесятникомъ“. Этого „артельнаго человѣка“, стремящагося быть просто рядовымъ, онъ похоронилъ въ лицѣ „Иванова“, открывъ путь образованію новаго типа сознательнаго индивидуалиста въ слѣдующемъ поколѣніи. Его строгое сужденіе о себѣ самомъ вытекало отчасти отъ присущей ему скромности,¹⁾ но не исключительно ею обусловлено: Чеховъ шелъ съ другими, какъ звено въ общемъ движеніи; онъ сознавалъ себя однимъ изъ атомовъ въ безконечномъ міровомъ процессѣ, въ которомъ каждому свое мѣсто на ряду съ другими. Одна личность—ничто внѣ связи съ цѣлымъ. И движеніе впередъ человѣчества непрестанно. „Оно есть—писалъ намъ Чеховъ въ одномъ изъ своихъ писемъ за послѣдніе годы,—но невидимо для насъ, какъ движеніе земли вокругъ солнца“.

Мы отмѣтили нѣкоторыя черты духовнаго облика Чехова въ томъ періодѣ его жизни, когда онъ былъ не только вполне сложившимся человѣкомъ, но уже пріобрѣлъ громкую славу писателя. Попробуемъ возстановить подмѣченныя въ немъ свойства авторами воспоминаній въ историко-біографической послѣдовательности.

По свидѣтельству его младшаго брата, Михаила Чехова,²⁾ въ жизни Антона Павловича были три эпохи, которыя отразились на всемъ его творчествѣ. Онъ и самъ признавалъ это. Это были: поѣздки къ нѣкому Ивану Парфѣнтьевичу въ усадьбу и къ его племяннику Кравцову на дальній хуторъ въ донскихъ степяхъ, когда еще А. П. былъ гимназистомъ; затѣмъ—г. Воскресенскъ и усадьба Бабкино Московской губ., гдѣ А. П. провелъ четыре лѣта тотчасъ по окончаніи курса университета; и, наконецъ, Мелихово, гдѣ онъ былъ уже землевладѣльцемъ. О первой эпохѣ я не знаю ничего, кромѣ того развѣ, что А. П. рассказывалъ мнѣ самъ“. Къ отголоскамъ впечатлѣній этой первой эпохи М. П. относитъ рассказы—

¹⁾ Скромности и даже какой-то особой застѣнчивости. Любопытенъ въ этомъ отношеніи рассказъ г. Тиханова о томъ, какъ Чеховъ уговорился съ нимъ въ первый разъ ѣхать къ Л. Н. Толстому. За ними долженъ былъ заѣхать ихъ общій знакомый, но на Чехова вдругъ напала робость: «Самъ не знаю, а боюсь. Какъ это такъ, вдругъ самого Толстого вблизи увидать. Говорить съ нимъ! Нѣтъ, какъ хотите, а это жутко». Кончилось тѣмъ, что Чеховъ вмѣстѣ съ рассказчикомъ «просто сбѣжали отъ свиданія въ ресторанъ „Эрмитажъ“, гдѣ долго сидѣли, пили красное вино и говорили о томъ, что Левъ Толстой великій писатель, что онъ глубочайшій сердцевѣдъ, и какъ было бы пріятно посмотрѣть на него, послушать и т. д.» Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Антонъ Павловичъ побѣдилъ свою застѣнчивость и даже сблизился съ „великимъ писателемъ земли русской“, который и самъ о немъ отзывался съ наилучшей похвалой. Отмѣтимъ также рассказъ г. Ладыженскаго въ его воспоминаніяхъ объ А. П. („Міръ Вожіи“, 1905 г. апрѣля) о его первомъ посѣщеніи Я. П. Полонскаго.

²⁾ „Журналъ для всѣхъ“. 1905 г.

„Степь“, „На пути“, „Жалобная книга“. Изъ поѣздки къ Кривцову А. П. запомнилъ почему-то „звукъ сорвавшейся бадьи, о которой упоминается въ „Счастьи“ и въ „Вишневомъ саду“. Во время пребыванія въ г. Воскресенскѣ и въ Мелиховѣ онъ приобрѣлъ богатый запасъ наблюденій, которыя послужили темами для цѣлаго ряда рассказовъ.

Изъ ранней поры жизни Чехова мы имѣемъ, вообще, только показанія его школьнаго товарища, г. Сергѣенко ¹⁾). Однако и г. Сергѣенко пишетъ, что при всемъ желаніи онъ не можетъ припомнить ни одного яркаго эпизода изъ отрочества Чехова.

«Отчетливо рисуется передо мной только блѣлая маска лица съ ухмыляющейся улыбкой (?). Еще помню, что всѣ, рѣшительно всѣ, относились къ Чехову хорошо, по товарищески. Онъ не былъ ни задирой, ни плаксой, ни тѣмъ, ни сѣмъ, что называется. И учился Чеховъ тоже такъ себѣ; и держался онъ не то, чтобы сосредоточенно, «съ печатью думы на челѣ», какъ подобало бы будущей знаменитости, а скорѣе полувяло, полузастиѣчиво съ той осмотрительностью въ поступкахъ, которая съ годами превратилась у него въ драгоцѣнный житейскій тактъ, привлекавшій къ Чехову людей и ограждавшій его отъ злобствующихъ недоброхотовъ».

Г. Сергѣенко отмѣчаетъ далѣе, что у Чехова никогда не было „своего Іуды“, ни въ юности, ни въ зрѣлыхъ годахъ, а свои Іуды, по его мнѣнію, есть почти у каждого человѣка.

«Это тѣмъ болѣе достойно вниманія,—продолжаетъ г. Сергѣенко,—что Чеховъ не только никогда не подлаживался къ людямъ и не старался имъ угождать, а скорѣе былъ вялъ въ своихъ отношеніяхъ, не соблюдая даже тѣхъ общепринятыхъ смазочныхъ (?) приемовъ, которыми поддерживаются знакомства. Въ этомъ отношеніи Чеховъ мало измѣнился съ дѣтства. И тогда онъ являлъ собою какъ бы нейтральную сторону, не проявляя замашекъ къ подчиненію себѣ другихъ, но и не растворяясь никогда всей своей личностью въ окружающихъ явленіяхъ. Но я не могу припомнить за долгій періодъ нашего знакомства ни одного такого момента, ни одного такого случая, когда Чеховъ поступилъ бы недостойно».

Нѣсколько далѣе и г. Сергѣенко отмѣчаетъ, что въ природѣ Чехова было нѣчто к а р а т а е в с к о е—„если и не вполне круглое, то и безъ острыхъ выступовъ, за которые могла бы уцѣпиться какаянибудь страсть“.

Однако, въ вышеприведенной первой автобіографіи Чехова есть указаніе, что именно въ отроческомъ возрастѣ онъ подвергся нѣкоторымъ соблазнамъ нашей неупорядоченной, формально-закрѣпощенной, но по существу глубоко разлагающей школьной жизни, особенно въ провинціальныхъ гимназіяхъ, да еще въ 70-хъ го-

¹⁾ Приложение къ „Нивѣ“, 1904 г., октябрь.

По окончаніи гимназіи, въ 1879 г.

аренъ „комедіи человѣчества“. Пока онъ копилъ силы, какъ богатырь, который до поры лишь удивляетъ своей неподвижностью и кажущейся апатіей.

Въ цвѣтущую пору его молодости въ немъ развернулась какая-то удалъ и даже нѣкоторый задоръ. Вотъ какъ описываетъ впечатлѣніе первой встрѣчи съ нимъ Вл. Г. Короленко, ¹⁾ познакомившійся съ Чеховымъ въ 1886 или въ началѣ 1887 года, т. е. когда Чехову было лѣтъ 26—27.

дахъ, — „авантюрамъ“, увлекшись которыми, онъ легко могъ растратить душевныя и физическія силы. Чеховъ уцѣлѣлъ на скользкомъ пути, гдѣ погибъ не одинъ юноша въ преждевременной, скороспѣлой растратѣ здоровья и притупленія нравственнаго чувства (припомнимъ разсказъ Чехова „Гимназистъ“), уцѣлѣлъ, отчасти, быть можетъ въ силу уравновѣшенности натуры, главнымъ образомъ — благодаря широтѣ кругозора таившагося въ немъ художника созерцателя, при безсознательномъ еще желаніи развернуть свои силы на болѣе широкой

На четвертомъ курсѣ университета, въ 1883 г.

¹⁾ „Русск. Бог.“ 1904 г., іюль.

«Передо мною былъ молодой и еще болѣе моложавый на видъ человѣкъ, нѣсколько выше средняго роста, съ продолговатымъ правильнымъ и чистымъ лицомъ, не утратившимъ еще характерныхъ юношескихъ очертаній. Въ этомъ лицѣ было что-то своеобразное, что я не могъ опредѣлить сразу, и что впослѣдствіи, по моему очень мѣтко, опредѣлила одна женщина, при мнѣ познакомившаяся съ Чеховымъ. По ея мнѣнію въ лицѣ Чехова, не смотря на его несомнѣнную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушнаго деревенскаго парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокіе, свѣтились одновременно мыслью и какою-то особенною, почти дѣтскою привлекательностью. Простота всѣхъ движеній, пріемовъ и рѣчи была господствующей чертой во всей его фигурѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Вообще, въ это первое свиданіе Чеховъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка глубоко жизнерадостнаго. Казалось, изъ глазъ его струится неисчерпаемый источникъ остроумія и непосредственнаго веселья, которымъ были переполнены его рассказы. И вмѣстѣ угадывалось что то болѣе глубокое, чему еще предстоитъ развернуться и развернуться въ хорошую сторону».

Короленко, подчеркивая общее благопріятное впечатлѣніе этой встрѣчи, замѣчаетъ, что ему тогда понравилась даже чеховская „свобода отъ партій“, такъ какъ въ ту пору—„и въ воздухѣ чувствовалась необходимость нѣкотораго „пересмотра“, чтобы пуститься въ путь дальнѣйшей борьбы и дальнѣйшихъ исканій“. „И поэтому самая „свобода“ Чехова „отъ партій“ данной минуты, при наличности большого таланта и большой искренности, казались мнѣ тогда, признаюсь, нѣкоторымъ преимуществомъ. Все равно,—думалъ я,—это не надолго“... Короленко придавалъ особое значеніе рассказу Чехова „Встрѣча“, гдѣ выставленъ типъ—„неудовлетвореннаго, сильно избитаго жизнью, русскаго „искателя лучшаго“, поражаясь, какъ авторъ сумѣлъ „мимоходомъ, безъ опыта, какой-то отгадкой непосредственнаго таланта, такъ вѣрно и такъ мѣтко затронуть самыя интимныя струны этого, все еще не умершаго у насъ, долговѣчнаго рудинскаго типа“. Въ общемъ онъ сравниваетъ тогдашняго Чехова съ „молодымъ дубкомъ, пускающимъ ростки въ разныя стороны, еще коряво и порой какъ-то безформенно, но въ которомъ угадывается крѣпость и цѣльная красота будущаго могучаго роста“... Нѣсколько ниже г. Короленко, вспоминая чеховскую „Степь“, въ которой, какъ ему сообщилъ Михаилъ П. Чеховъ,—„очень много автобіографическихъ личныхъ воспоминаній“, сравниваетъ и самого Антона Павловича съ молодымъ крестьянскимъ парнемъ, Дениской, выставленнымъ въ разказѣ. Этотъ Дениска переполненъ ощущеніемъ бодрости и силы; не зная усталости, онъ ищетъ лишь случая вступить съ кѣмъ либо въ соревнованіе, бѣжать

взапуски, изъявляетъ готовность проскакать намѣченное ристалище для бѣга обратно:

«Я какъ-то шутя сказалъ Чехову, что онъ самъ похожъ на своего Дениску,—пишетъ Вл. Г. Короленко.—И дѣйствительно въ самый разгаръ 80-хъ годовъ, когда общественная жизнь такъ похожа была на эту степь съ ея безмолвной истомой и тоскливой пѣснью, онъ явился беззаботный, куда являлись разные проекты и при томъ какъ-то сразу въ готовомъ видѣ, съ мелкими деталями... Однажды онъ сталъ развивать передо мною планъ журнала, въ которомъ будутъ участвовать беллетристы, числомъ 25, «и всѣ начинающіе, вообще молодые». Въ другой разъ, устремивъ на меня свои прекрасные глаза, съ выраженіемъ внезапно созрѣвающей мысли, онъ сказалъ: «Слушайте, Короленко, я приѣду къ вамъ въ Нижній». «Буду очень радъ. Смотрите же не обманите». «Непремѣнно приѣду... Будемъ вмѣстѣ работать. Напишемъ драму. Въ четырехъ дѣйствіяхъ. Въ двѣ недѣли». Я засмѣялся. Это опять былъ Дениска»...

Короленко намѣчаетъ три періода въ литературной дѣятельности Чехова, отъ первыхъ опытовъ въ юмористическомъ духѣ и „Пестрыхъ разсказовъ“, когда—„образы тѣснились къ нему веселой и легкой гурьбой, забавляя, но рѣдко волнуя,“—постепенный переходъ къ очеркамъ „Въ сумеркахъ“, „Хмурымъ людямъ“, „Палатѣ № 6“ и т. д., и, наконецъ,—„разказы и, пожалуй, драмы послѣднихъ годовъ, въ которыхъ звучитъ и стремленіе къ лучшему, и вѣра въ него, и надежда. Черезъ дымку грусти, порой очень красивой, порой разѣдающей и острой, и всегда поэтической, эта надежда сквозитъ, какъ куполы церквей дальняго города, едва видныя сквозь знойную пыль и удушливый туманъ труднаго пути... И надъ всѣмъ царитъ меланхолическое сознаніе:

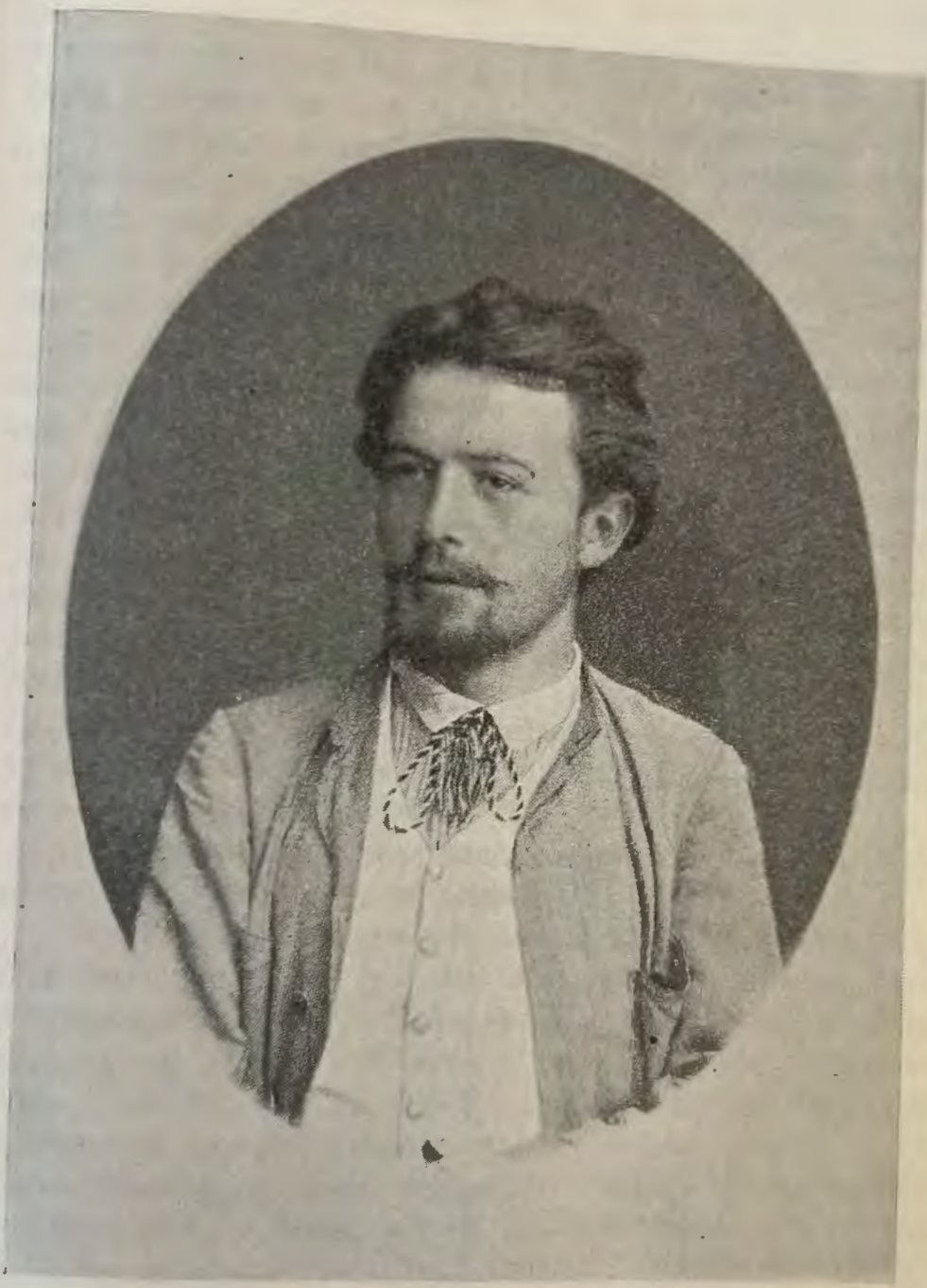
Жаль только, жить въ эту пору прекрасную

Ужъ не придется ни мнѣ, ни тебѣ...”

Взаимоотношеніе этихъ разныхъ періодовъ дѣятельности должно опредѣлиться устойчивостью нѣкоторыхъ основныхъ чертъ, которыя въ ранняго времени присущи таланту Чехова—оттого между ними не можетъ быть слишкомъ рѣзкихъ граней. Красивый, короленковскій образъ,—эти далекіе купола, проступающіе сквозь знойную пыль и туманъ труднаго пути,—требуешь проясненія, на основаніи болѣе детальнаго анализа произведеній Чехова. „Купола“ не сразу, ех abstruptione, явились передъ нимъ со стороны: онъ ихъ давно лелѣялъ въ душѣ, поэтому только они и стали ему видны... Но съ внѣшней стороны, дѣйствительно, въ его произведеніяхъ намѣчаются различные періоды творчества, параллельные различнымъ стадіямъ его личной жизни.

Въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, въ возрастѣ отъ 25—35 лѣтъ, Чеховъ сотрудничаетъ, послѣ разныхъ юмористическихъ листковъ и газетъ, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и проявляетъ широкую общительность характера. Это весельчакъ и шутникъ, любимый товарищъ и собесѣдникъ за ужинами, готовый всегда откликнуться на приглашеніе провести вечеръ въ непринужденной компаніи, легко забывающій о „времени и пространствѣ“ въ товарищескомъ кругу. Цѣлый рядъ воспоминаній г.г. Тиханова, Щеглова, Сергѣенко и др. рисуетъ намъ Чехова въ сходныхъ чертахъ остроумнаго и веселаго сотоварища, любящаго шутки, мистификаціи и даже переодѣванія ¹⁾, избирающаго себѣ и раздающаго пріятелямъ шуточные прозвища и псевдонимы (ср. у г. Сергѣенко—записки Чехова за подписью, то Бокль, то Нетихоновъ и т. п.), импровизирующаго мимоходомъ, полушутя, сюжеты рассказовъ, изъ которыхъ не всѣ были имъ даже потомъ записаны. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуеъ г. Щегловъ, сообщившій, что много—„тонкихъ“ чеховскихъ сюжетовъ, и импровизированныхъ подъ наплывомъ извѣстнаго настроенія и затѣмъ безслѣдно таявшихъ въ разгарѣ дальнойшей бесѣды—погибло. Г. Щегловъ приводитъ два-три примѣра изъ уцѣлѣвшихъ въ его памяти такихъ импровизацій. Въ это десятилѣтіе—1886 по 1897 г.—Чеховъ, какъ пишетъ г. Щегловъ, пережилъ наиболѣе счастливый періодъ своей жизни, сблизился со многими литераторами,—А. Н. Плещеевымъ, Д. В. Григоровичемъ, А. С. Суворинымъ, П. И. Чайковскимъ, Вс. М. Гаршинымъ, Вл. Г. Короленко и др.; но эти первые годы литературной славы промелькнули какъ-то „нелѣпо, неудовимо, точно сладкій майскій сонъ, промелькнули въ безоглядной сумасбродной суетѣ, оставивъ въ воспоминаніи какіе-то свѣтлые праздничные клочки“... Въ Москвѣ долгія, полунощныя бесѣды въ ресторанахъ; въ Петербургѣ—„то встрѣчаешь съ Антономъ Чеховымъ Новый Годъ у Сувориныхъ,—пишетъ г. Щегловъ,—то справляешь вмѣстѣ „капустникъ“ у артиста Свободина, то присутствуешь на импровизированной въ честь Чехова литературно-музыкальной вечеринкѣ у старика Плещеева... Сегодня устраивается въ „Маломъ Ярославцѣ“ торжественная кулебяка въ день ангела Чехова, а спустя два дня самъ Чеховъ тащитъ меня на Васильевскій островъ

¹⁾ Г. Михаилъ П. Чеховъ сообщаетъ о томъ, какъ А. П. вмѣстѣ съ художникомъ Левитаномъ, съ которымъ онъ былъ въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ забавлялись, нарядившись то въ бухарскіе халаты, то въ судейскіе мундиры и т. п., разыгрывали экспромптомъ сценки, приводившія въ восторгъ домочадцевъ Чехова.

Въ 1888 году. Снятъ въ Феодосіи.

„на блины“ къ какому-то совершенно невѣдомому мнѣ хлѣбосольному помѣщику,—само собою разумѣется ярому поклоннику А. П...“ Авторъ воспоминаній замѣчаетъ, что ему теперь, издали, все это время—,представляется какой-то непрерывной вереницей радостныхъ тостовъ во славу русской литературы, въ лицѣ Антона Павловича, бывшаго повсюду почетнѣйшимъ застольнымъ гостемъ. Числа и мѣсяцы въ этой суматохѣ невольно спутываются“... ¹⁾).

Не спутались мысли, не затемнилось художественное сознаніе въ этомъ хаосѣ праздничныхъ пированій у самого „виновника торжествъ“, который, даже живя среди самага пестраго общества, расходуя силы на застольныя бесѣды, пріемъ безчисленныхъ посѣтителей, переговоры съ пріятелями и т. д., продолжалъ интенсивно работать и почти незамѣтно для окружающихъ, которымъ онъ представлялся все тѣмъ же веселымъ малымъ и дорогимъ сотрапезникомъ, измѣнилъ направленіе своего творчества. Онъ, дѣйствительно, все глубже сталъ вникать въ смыслъ явленій жизни; переходъ къ болѣе серьезнымъ видамъ литературы у него почти неуловимъ, и для многихъ, близко его знавшихъ, какъ-то непонятнымъ представляется, откуда взялся чеховскій пессимизмъ? Что въ немъ усилило черту изобличителя, сдѣлало его бытописателемъ „нытиковъ“ и „неврастениковъ“, почему авторъ какъ бы окуталъ флеромъ неизмѣнной грусти картины родной жизни, онъ, который умѣлъ такъ непринужденно, такъ заразительно смѣяться и находить вездѣ смѣшныя стороны?

Однако, прежде всего поставимъ вопросъ—былъ ли Чеховъ когда либо пессимистомъ по существу?

Между чеховскими „настроеніями“ у читателей Чехова и впечатлѣніями о немъ, какъ человѣкѣ, у лицъ, знавшихъ его, произошло какое-то раздвоеніе. Намъ лично, при анализѣ однихъ только произведеній Чехова, онъ никогда не представлялся дѣйствительнымъ пессимистомъ по своему міропониманію ²⁾). Рисуя часто безотрадныя картины дѣйствительности, сообщая нѣкоторымъ сценамъ лирически-грустное освѣщеніе, Чеховъ не былъ поэтомъ безнадежности, тоски или унынія: онъ изобличалъ неправды жизни, мастерски передавалъ настроеніе томящей скуки, расшатавшей воли, надломленности и т. п., но нигдѣ не возводилъ въ принципъ

¹⁾ Приложенія къ „Нивѣ“ 1905 г., іюнь.

²⁾ Подробнѣе по этому вопросу намъ приходилось уже высказываться въ статьѣ о Чеховѣ, помѣщенной въ «С.-Петербург. Вѣд.», 1903 г., № 26, и въ другихъ очеркахъ по поводу разныхъ его произведеній, въ «Мірѣ Бож.» за послѣдніе года.

безнадежность жизни, и переходъ къ просвѣтамъ въ будущемъ произошелъ настолько естественно, что мы можемъ читать любой изъ самыхъ безотрадныхъ очерковъ Чехова „второго періода“ его творчества, дополняя отъ себя тѣми перспективами, которыя онъ сталъ намѣчать въ произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ. Въ противорѣчіе съ собою онъ не впалъ, но самъ, по своей натурѣ и стремленіямъ, былъ дѣйствительно живой противоположностью выставленнымъ имъ типамъ. Г. Суворинъ приводитъ отрывокъ изъ письма Чехова отъ 1894 г. въ отвѣтъ на поставленный вопросъ.— „Что долженъ желать теперь русскій человѣкъ?“—„Вотъ мой отвѣтъ,—писалъ А. П.—желать. Ему нужны прежде всего желанія, темпераментъ. Надоѣло кисляйство“.

Тѣмъ не менѣе, за нимъ установилась одно время репутація писателя пессимиста, по преимуществу. Онъ самъ, въ бесѣдѣ съ г. Бунинымъ, не безъ грустной ироніи замѣтилъ по поводу появляющихся о немъ статей и рецензій: „Покорно васъ благодарю. Напишутъ о комъ нибудь тысячу строкъ, а внизу прибавятъ: „а то еще есть писатель Чеховъ: „нытикъ“.

Конечно, ничего нѣтъ несправедливѣе такой квалификаціи. И вотъ теперь многіе изъ авторовъ воспоминаній энергично протестуютъ противъ сложившейся за нимъ репутаціи. И замѣтимъ, по преимуществу молодые писатели. Особенно горячо протестуетъ г. А. Федоровъ ¹⁾. Разсказавъ забавную сцену на пароходѣ, въ присутствіи Чехова, когда клоунъ Дуровъ переправлялъ свой звѣринецъ и особенно пришлось повозиться съ верблюдомъ, чтобы ввести его на пароходъ, причемъ этотъ верблюдъ необычайно заинтересовалъ Антона Павловича, г. Федоровъ замѣчаетъ:

«Онъ (т. е. Чеховъ) ко всему присматривался съ тонкимъ вниманіемъ, всюду замѣчалъ свои особенности, свою душу. Его таланта хватало на все и на всѣхъ, потому что онъ каждымъ нервомъ своимъ чувствовалъ окружающую его жизнь, проникалъ и любилъ ее.

Чеховъ—пессимистъ!

Нѣтъ, даже его смертельная болѣзнь не могла сдѣлать его пессимистомъ. Наоборотъ, чѣмъ ближе онъ подходилъ къ могилѣ, тѣмъ глубже, чище и возвышеннѣе звучала въ немъ вѣра въ людей и въ свѣтлое будущее. Что-то пророческое и торжественное слышалось въ его голосѣ сквозь печаль и сумракъ жизни, которую онъ заставлялъ какъ бы исповѣдываться передъ нами въ живыхъ творческихъ созданіяхъ. Иногда этотъ страдальческій голосъ возвышался до величаваго пафоса и тогда звучалъ

¹⁾ „Южныя Записки“, 1904.

красотой неземного очарованія, отъ которой изъ души рвались невольныя благодарныя слезы этому великому и еще мало понятому и оцѣненному у насъ поэту правды, печали и вѣры...

Скорбь—не пессимизмъ. Скорбь—родная сестра вѣры для того, кто постигаетъ все несовершенство жизни, весь стихійный ужасъ ея, передъ которымъ мы часто оказываемся жалкими и безсильными. Только благороднѣйшимъ душамъ свойственна такая скорбь» и т. д.

И никто изъ близко знавшихъ А. П. не называлъ и не называетъ его пессимистомъ, и пора бы оставить совсѣмъ эту легенду, которой далъ ложный поводъ грустный тонъ нѣкоторыхъ произведений Чехова. Вѣдь и выставляя нытиковъ и неврастениковъ, самъ онъ неизмѣнно смотрѣлъ на нихъ лишь какъ на случайное, переходное явленіе въ жизни, и старался выяснить ихъ временныя роль и значеніе въ эволюціи общества (ср. „Дневникъ неизвѣстнаго человека“). Онъ ихъ описывалъ, потому что они были въ жизни, потому что его литературная дѣятельность совпала съ выступленіемъ даннаго типа въ обществѣ.

Мнѣ кажется, что и связь между различными періодами литературной дѣятельности Чехова, и выводъ изъ сопоставленія впечатлѣній личности и произведеній писателя, и правильный взглядъ на все его творчество получатся въ томъ случаѣ, если мы повѣримъ — и мы должны это сдѣлать — собственному признанію Чехова въ одномъ изъ его писемъ къ А. Н. Плещееву и примемъ его слова за базу его дѣйствительнаго міросозерцанія. Письмо не датировано. Но вѣдь Плещеевъ умеръ въ 1893 году, слѣдовательно оно было написано въ концѣ 80-хъ или въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ. „Мое святая святыхъ, писалъ Чеховъ, это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались“. Развѣ возможно было бы такое признаніе въ устахъ пессимиста?

Чеховъ остался до конца вѣренъ этому идеалу свободного человека, съ болью воспринималъ всѣ отклоненія отъ идеальной нормы, которую онъ въ себѣ чувствовалъ, потому что самъ смолodu былъ надѣленъ — здоровьемъ, умомъ, талантомъ, вдохновеніемъ, восприимчивостью къ любви и чувствомъ независимости. Этотъ образъ получается и изъ ряда воспоминаній о Чеховѣ, дополняя и проясняя намъ дѣятельность писателя, помогая встать на надлежащую точку зрѣнія для общаго сужденія о ней; правильное пониманіе его труда въ цѣломъ не должно быть заслоняемо впечатлѣніями отдѣльных моментовъ его творчества — юмориста, меланхолика, провозвѣстника свѣтлаго будущаго и т. п.

Общее настроеніе его опредѣляется, между прочимъ, и изъ слѣдующаго характернаго признанія:

«Во мнѣ течетъ мужицкая кровь и меня не удивишь мужицкими добродѣтелями. Я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ когда перестали драть, была страшная. Я любилъ умныхъ людей, нервность, вѣжливость, остроуміе, а къ тому, что люди ковыряли мозоли и что ихъ портянки издавали удушливый запахъ, я относился такъ же безразлично, какъ къ тому, что барышни ходятъ по утрамъ въ папильоткахъ. Но толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною лѣтъ 6—7,—и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя были мнѣ извѣстны и раньше, а толстовская манера выражаться, разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнѣ что то протестуетъ; разсчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и въ воздержаніи отъ мяса» ¹⁾).

Конечно, болѣзнь Чехова не осталась безъ нѣкотораго вліянія на его настроеніе ²⁾); но развѣ не характерно, что именно въ послѣдніе годы его жизни, когда роковой исходъ болѣзни представлялся во всей его безжалостной неизбѣжности, свѣтлыя пятна живѣе замѣлялись на его хмурыхъ ландшафтахъ, и онъ снова заговорилъ о радостяхъ жизни—будущей, пока еще далекой, но неминуемо имѣющей наступить.

Итакъ, всѣ свѣдѣнія о Чеховѣ, какъ человѣкѣ, въ которомъ даже болѣзнь не могла заглушить духовной свѣжести и неистощимаго остроумія, вполне разсѣиваютъ представленіе о немъ, какъ о пессимистѣ. Чеховская грусть—это сожалѣніе о разладѣ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что можетъ и должно быть. Чеховское „настроеніе“—во второй половинѣ его сознательной жизни, это—скорбь человѣка, который вступилъ въ жизнь съ радужными надеждами, потомъ утратилъ нѣкоторыя иллюзіи, но пришелъ къ окончательной вѣрѣ въ наступленіе лучшаго будущаго и сохранилъ до конца культъ свободы духа, какъ лучшаго изъ благъ, и неотъемлемое право человѣка ³⁾).

¹⁾ Изъ писемъ А. С. Суворину, «Нов. Вр.» см. н.

²⁾ М. П. Чеховъ пытается связать переходъ къ «грустнымъ» темамъ въ творчествѣ А. П. съ первымъ приступомъ его болѣзни, зачатки которой онъ относитъ еще къ 1887 г. Онъ указываетъ на разсказъ «Панихиды», относящійся примѣрно къ этому времени, какъ на первое произведеніе, въ которомъ стала звучать грустная нотка. Эта внѣшняя дата любопытна, но надо остерегаться придавать слишкомъ много значенія показной сторонѣ дѣла.

³⁾ Въ разрывѣ съ жизнерадостнымъ настроеніемъ Чехова идетъ одна только его особенность, на которую указываютъ многіе знавшіе его: Антонъ Павловичъ любилъ посѣщать кладбища и подолгу бродить среди могилъ, одиноко, читая надписи на крестахъ и памятникахъ и т. п. Когда онъ какъ-то пріѣхалъ въ Пермь и почти сразу по пріѣздѣ отправился на кладбище, это сперва объясняли тѣмъ, что у него тамъ

Свобода духа — первоначально казалась Чехову, какъ и многимъ другимъ — возможной при всякихъ условіяхъ. Она прежде всего есть плодъ ввутренней работы надъ собою. Однако, почему же такъ мало людей доходятъ до нея, почему, въ концѣ концовъ, ея полное торжество представляется недостижимымъ при современныхъ условіяхъ жизни, и люди изнываютъ въ какомъ то повальномъ рабствѣ, ненавидятъ другъ друга, тоскуютъ, проявляютъ чрезвычайную жестокость, губятъ себя и другихъ и т. д.? Чеховъ въ началѣ своей дѣятельности отстранялъ отъ себя соціальные вопросы, опасаясь „партійнаго гнета“. Онъ не интересовался политикой, пока не дошелъ самъ до признанія, что нельзя миновать эти вопросы общественнаго устроенія, такъ какъ личное благополучіе каждаго и даже степень его духовнаго развитія связаны съ ними по необходимости. Короленко вѣрно угадалъ еще въ 1887 году, что внѣ-партійность Чехова — не надолго... Быть можетъ, именно пребываніе въ Мелиховѣ и ближайшее знакомство съ условіями жизни въ деревнѣ произвели въ Чеховѣ окончательный переворотъ въ этомъ смыслѣ: онъ самъ могъ ужаснуться той картины грубости, невѣжества и одичанія, въ которой представились ему имъ же описанные „Мужики“. А гдѣ причина этого потрясающаго явленія въ нашей деревнѣ? Кто повиненъ и въ томъ направленіи, въ которомъ развилось у насъ мелкое кулачество („Въ оврагѣ“)? Въ какой мѣрѣ режимъ ложится тяжелымъ гнетомъ на всю духовную жизнь страны?.. Чеховъ понялъ значеніе среды и обстановки и сталъ интересоваться политикой и экономическими вопросами. И этого было достаточно, чтобы съ присущей ему прямою и искренностью, съ его культомъ правды — онъ отвернулся отъ тѣхъ изданій, въ которыхъ раньше участвовалъ, какъ писатель, стоящій „внѣ партій“, и примкнулъ къ прогрессивнымъ группамъ.

Въ письмахъ Чехова болѣе ранняго періода встрѣчаются не разъ болѣе или менѣе рѣзкія выходки противъ „толстыхъ журналовъ“, противъ партійности нашей публицистики и публицистической критики. Ему приписываютъ еще болѣе суровые отзывы о томъ или другомъ представителѣ нашей журпалистики 80-хъ и даже 90-хъ годовъ, при чемъ точность передачи словъ Чехова остается,

схороненъ близкій человѣкъ. Почитатели Чехова, съ особымъ вниманіемъ слѣдившіе за дорогимъ, знаменитымъ гостемъ, предполагали даже старинный романъ, причемъ пермскіе обыватели терялись въ догадкахъ — кто могла быть счастливцей, покорившей сердце поэта? Потомъ узналось, что Чеховъ поступалъ также во всѣхъ городахъ, куда бы онъ не пріѣзжалъ, отправляясь въ одиночную прогулку на кладбище. Легенда о раннемъ романѣ съ пермячкой разсѣялась...

конечно, на отвѣтственности авторовъ воспоминаній. Въ противоположность отрицательнымъ отзывамъ о журналахъ—есть и сочувственные. Въ печатаемомъ ниже письмѣ къ Плещееву, напримѣръ, Чеховъ указываетъ, что „судьбою ихъ заинтересована вся читающая и мыслящая масса. Ихъ поэтому всячески надо оберегать отъ разрушенія—въ этомъ прямая наша обязанность“. Выступивъ еще съ 1887 г. сотрудникомъ „Сѣверн. Вѣстника“, Чеховъ не только печаталъ свои лучшія вещи въ толстыхъ журналахъ, но живо интересовался ихъ „направленіемъ“, и закончилъ свою дѣятельность даже членомъ редакціи „Русской Мысли“. Въ немъ произошелъ переломъ, но опять-таки здѣсь нѣтъ прямого противорѣчія съ первоначальными требованіями свободной программы для художественнаго творчества. И вотъ почему.

Чеховъ былъ вполне правъ, возражая противъ „кружковой, партійной скуки“ въ нашихъ журналахъ 80-хъ годовъ, которая служила тормазомъ „свободѣ и широкому размаху“ творческой мысли. Онъ не правъ былъ лишь въ исторической оцѣнкѣ явленія. Партійность въ журналахъ являлась у насъ вынужденной, за отсутствіемъ другихъ формъ, въ которыхъ бы могла выражаться общественная политическая мысль. Ея гнетъ на область искусства и даже науки, по скольку популяризація знанія входила въ программу общихъ журналовъ, незаконенъ. Партійность умѣстна только въ политикѣ, и здѣсь она не только вполне законна, но и необходима. А такъ какъ при бюрократическомъ режимѣ у насъ изгонялся малѣйшій намекъ на политическую свободу, то отраженнымъ гнетомъ сверху на публицистику этотъ режимъ вгонялъ въ узкія рамки и всю нашу журнальную литературу, придавая ей односторонній партійный характеръ. Чеховъ, ощущая лишь неудобства того хомута, который былъ надѣтъ на журналистику, не сразу догадался, что виноваты не столько хомутъ самъ по себѣ, какъ тѣ, кто подъ него подвели литературу. Онъ скинулъ съ себя ярмо, чтобы стать свободнымъ художникомъ, а затѣмъ самъ добровольно впрягся въ ту колесницу, которая должна была вести русское общество къ общему освобожденію отъ всякаго насилія и всякой джи и тираніи.

Едва ли не первое замѣчаніе, которое мнѣ пришлось отъ него услышать при личномъ свиданіи (въ 1902 г.) было категорическое заявленіе, что вскорѣ у насъ будетъ конституція. „Это вѣрно,—добавилъ онъ,—какъ послѣ вторника среда“. А. И. Купринъ сообщаетъ, что это было у него излюбленной фразой, которую онъ

даже приводилъ иногда не въ тактъ разговору. Вдругъ скажетъ своимъ увѣреннымъ голосомъ:

— Послушайте, а знаете что? Вѣдь въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція.

Такая „реальная“ политика уже была чѣмъ то отличнымъ отъ смутныхъ мечтаній о благополучіи для человѣчества, которое можетъ наступить черезъ 200—300 лѣтъ. Правда, и по поводу конституціи Чеховъ не измѣнялъ своей привычки къ шуткамъ, и г. Ладыженскій приводитъ рассказъ Чехова о маленькомъ прудѣ, который былъ у него въ Мелиховѣ, „что у него тамъ караси, но что онъ намѣренъ дать имъ конституцію“... ¹⁾ Хотя и интересуясь политикой (во время пребыванія во Франціи онъ съ особенной страстностью слѣдилъ за дѣломъ Дрейфуса, см. письма), Чеховъ, конечно, отнюдь не сталъ политическимъ мыслителемъ: это „самоочевидная истина“. Къ построеніямъ теоретическаго характера онъ, вообще, относился довольно холодно, что не мѣшало ему понимать ихъ значеніе. Но мыслить самъ онъ пріучился лишь въ образной формѣ, какъ истый художникъ. Это, конечно, особый видъ мышленія, который вполне оправдываетъ и за Чеховымъ эпитетъ „мыслителя“, ибо, какъ совершенно правильно было къ нему то замѣчено, въ иномъ рассказѣ Чехова больше философіи, чѣмъ во многихъ пространныхъ разсужденіяхъ на выпреннія темы. Центральное мѣсто въ его міропониманіи занимала человѣческая личность, въ ея разнообразнѣйшихъ конкретныхъ воплощеніяхъ, съ ея многоразличными свойствами, психическими навыками, ощущеніями, воспріятіями, мыслями и поступками, по провѣркѣ съ высшими нормами добра и справедливости. Чеховъ не далъ логической формулы этихъ нормъ; онъ признавалъ даже, что „норма никому изъ насъ неизвѣстна“ въ положительныхъ ея чертахъ, но мы ее ощущаемъ какъ бы отрицательнымъ путемъ по отклоненіямъ отъ нея, подобно тому, какъ „знаемъ, что такое безчестный поступокъ“, хотя бы и не могли дать опредѣленія чести ²⁾. Тоже и по отношенію къ общественному устроенію; онъ самъ опредѣлялъ свою задачу, какъ художника—правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, прибавляетъ Чеховъ, —этимъ уже вступая въ область философіи,—насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Въ чемъ выражаются „уклоненія“—онъ хорошо зналъ и тонко чувствовалъ.

¹⁾ «Міръ Божій» 1905.

²⁾ См. изъ писемъ къ Плещееву.

О своемъ отношеніи къ религіи Чеховъ упоминаетъ лишь вскользь въ одномъ изъ писемъ къ Ив. Л. Щеглову¹⁾. Вопросы мірозданія, повидимому, не такъ его тревожили²⁾, и его творческая мысль работала по преимуществу въ двухъ вышеуказанныхъ направленіяхъ—изученія человѣка и условій общественной жизни. Онъ не открывалъ новыхъ законовъ нравственности и въ большинствѣ случаевъ приходилъ къ давно признаннымъ положеніямъ этики, напримѣръ, что надо быть милосерднымъ, справедливымъ, творить добро, любить и уважать человѣка („каждаго!—а это важно“), вѣрить въ него и т. д. Въ этомъ отношеніи Чеховъ можетъ быть названъ моралистомъ, по особому тяготѣнію, которое въ немъ усматривается, къ рѣшенію нравственныхъ проблемъ, и потому, что онъ признавалъ, что люди, имѣющіе въ себѣ талантъ — „призваны воспитывающе вліять“. Если выводы его не представлялись новыми сами по себѣ, то всегда неожиданнымъ оказывается путь, по которому онъ насъ приводитъ къ нимъ, и высоко оригинальной форма, въ которую художникъ умѣлъ облечь свои наблюденія жизни.

Стремленіе къ самоусовершенствованію было ему присуще, какъ личное свойство, и въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ одно изъ его писемъ къ брату, гдѣ онъ намѣчаетъ—мѣстамъ и въ полу-шутливой, мѣстами же въ вполнѣ серьезной, прочувствован-

¹⁾ См. н.

²⁾ Г. Меньшиковъ приводитъ слѣдующія слова Чехова, сказанныя имъ какъ-то въ разговорѣ: «Я не знаю, что такое вѣчность, безконечность, я себѣ объ этомъ ничего не представляю, ровно ничего. Жизнь за гробомъ для меня что-то застывшее, холодное, нѣкое. Ничего не знаю. «Н. Вр.» 04, 11 іюня.

Статья эта была уже набрана и сверстана, когда вышла книга г. Мережковского „Грядущій Хамъ“, со статьей о Чеховѣ, гдѣ приведены два очень интересныя письма А. П. къ г. Дягилеву именно объ его отношеніи къ религіознымъ вопросамъ. „Я давно растерялъ мою вѣру и только съ недоумѣніемъ поглядываю на всякаго интеллигентнаго вѣрующаго“, писалъ А. П. въ одномъ изъ этихъ писемъ (отъ 12 іюля 1903). Въ другомъ, болѣе раннемъ письмѣ (отъ 30 декабря 1902 г.) онъ высказываетъ свое недоумѣніе къ религіознымъ движеніямъ въ интеллигенціи: „религіозное движеніе само по себѣ, а вся современная культура—сама по себѣ, и ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой никакъ нельзя. Теперешняя культура это—начало работы во имя великаго будущаго, работа, которая будетъ продолжаться, быть можетъ, десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы хотя въ далекомъ будущемъ человѣчество познало истину настоящаго Бога, т. е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура это—начало работы, а религіозное движеніе, о которомъ мы говорили,—есть пережитокъ, уже почти конецъ того, что отжило, или отживаетъ“.

Эти строки краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о безграничной вѣрѣ Чехова въ силу знанія, въ безграничность науки, и иной религіи, иного „настоящаго Бога“ кромѣ того, который представится непредубѣжденному разуму, обогащенному знаніемъ, онъ себѣ не мыслилъ.

ной формѣ, носящей отпечатокъ личныхъ признаній,—чѣмъ долженъ быть „воспитанный человѣкъ“, и въ особенности—человѣкъ, надѣленный „истиннымъ талантомъ“. Чеховъ заканчивалъ свои замѣчанія сентенціей, въ которой опять-таки легкій покровъ шутки стыдливо прикрываетъ искренность непосредственного признанія: „Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, въ которую попалъ, не достаточно прочесть только „Пикквика“ и вызубрить монологъ изъ „Фауста...“ Тутъ нужны непрерывный дневной и ночной трудъ, вѣчное чтеніе, штудировка, воля... Тутъ дорогъ каждый часъ“.

Чеховъ, дѣйствительно, умѣлъ дорожить „каждымъ часомъ“. Онъ, повидимому, работалъ и надъ собою непрестанно, и его мысль находилась въ постоянномъ возбужденіи. Г. Тихоновъ, рассказывая о бесѣдѣ, которую онъ какъ-то велъ съ А. П. Чеховымъ, въ присутствіи трехъ его братьевъ, Николая, Ивана и Михаила Павловичей, замѣчаетъ:

«...во время этой общей бесѣды, я подмѣтилъ въ Чеховѣ одну характерную черту, это то, что онъ всегда (курс. подл.) думалъ, всегда, всякую минуту, всякую секунду. Слушая веселый рассказъ, самъ рассказывая что нибудь, сидя въ пріятельской пирушкѣ, говоря съ женщиной, играя съ собакой,—Чеховъ всегда думалъ. Благодаря этому, онъ иногда самъ обрывался на полсловѣ, задавалъ вамъ кажется совсѣмъ неподходящій вопросъ и казался иногда даже разсѣяннымъ. Благодаря этому, онъ среди разговора присаживался къ столу и что-то писалъ на своихъ листкахъ почтовой бумаги; благодаря этому, стоя лицомъ къ лицу съ вами, онъ вдругъ начиналъ смотрѣть куда-то вглубь самого себя».

А. И. Купринъ высказываетъ однородныя замѣчанія по поводу постоянной работы мысли Чехова—„съ утра и до вечера, а можетъ быть, даже и ночью, во снѣ и безсонницѣ“¹⁾.

Онъ умѣлъ слушать и разговаривать, какъ никто, но часто, среди живого разговора, можно было замѣтить, какъ его внимательный и доброжелательный взглядъ вдругъ дѣлался неподвижнымъ и глубокимъ, точно уходилъ куда-то внутрь, созерцая нѣчто таинственное и важное, совершившееся въ его душѣ. Тогда-то А. П. и дѣлалъ свои странные, поражавшіе неожиданностью, совсѣмъ не идущіе къ разговору вопросы, которые смущали многихъ. Только что говорили и еще продолжаютъ говорить о неомарксизмѣ, а онъ вдругъ спрашиваетъ: «послушайте, вы никогда не были на конскомъ заводѣ? Непремѣнно поѣзжайте. Это интересно». Или вторично предлагаетъ вопросъ, на который только-что получилъ отвѣтъ».

Это—внѣшніе признаки процессовъ внутренней жизни „особня-

¹⁾ По поводу „сновъ“ Чеховъ см. н. отрывокъ изъ письма Григоровичу. Михаилъ П. Чеховъ сообщаетъ, что А. П. впервые во снѣ пригрезился и „черный монахъ“, послужившій потомъ темой для рассказа того же названія.

комъ“ отъ постороннихъ или даже близкихъ людей, раздвоеніе художника-мыслителя и человѣка, всецѣло принадлежащаго обстоятельствамъ минуты. Однако, г. Купринъ нѣсколько раньше признаетъ, что „мы почти ничего не знаемъ не только о тайнахъ его творчества, но даже о внѣшнихъ пріемахъ его работы. Въ этомъ отношеніи А. П. былъ до страннаго скрытенъ и молчаливъ“.

Источники его образовъ и происхожденіе сюжетовъ раскроетъ, быть можетъ, со временемъ научная критика: кое-какія указанія имѣются и теперь (г. Купринъ приводитъ случаи, когда чеховскія „словечки и эти изумительныя по своей сжатости и мѣткости черточки“ А. П. бралъ непосредственно изъ жизни). Но, въ общемъ, дѣйствительно, намъ приходится довольствоваться скудными сообщеніями, вродѣ приведенныхъ замѣчаній о томъ, что „нужно садиться писать тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ“ и т. д. Установлено также, что въ болѣе раннемъ періодѣ своей литературной дѣятельности, онъ писалъ быстро и почти не задумываясь, а позже тщательно вырабатывалъ свои произведенія, подвергая ихъ многимъ передѣлкамъ.

— Знаете, какъ я пишу свои маленькіе рассказы?—передаетъ Короленко свой разговоръ съ Чеховымъ въ 1887 году. Вотъ.

Онъ оглянулъ столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь—это оказалась пепельница—поставилъ ее передо мною и сказалъ:

— Хотите, — завтра будетъ рассказъ. Заглавіе «Пепельница».

И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже роиться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшія своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ ¹⁾...

Со временемъ, онъ значительно измѣнилъ пріемы творчества и отношеніе къ литературѣ. Онъ подолгу „вынашивалъ“ сюжеты раньше, чѣмъ изложить ихъ въ литературной формѣ; затѣмъ въ корректурѣ еще исправлялъ ²⁾. Особенно долго отдѣлывалъ онъ свои драматическія произведенія, предъявляя къ нимъ самыя строгія требованія: но въ этой области онъ выступалъ сознательнымъ реформаторомъ. Пьесы его выходили не разъ подъ измѣненными заглавіями и съ весьма существенными передѣлками.

Сообщаемыя разными авторами воспоминаній свѣдѣнія и замѣчанія по поводу того или другого произведенія Чехова или генезиса сюжета ³⁾, или отношенія автора къ своей темѣ, и къ избранному

¹⁾ „Русск. Бог.“. Г. Суворинъ передаетъ со словъ Чехова, что одинъ изъ своихъ рассказовъ А. П. написалъ въ купальнѣ, лежа на полу, карандашемъ, положилъ въ конвертъ и бросилъ въ почтовый ящикъ („Нов. Вр.“, 1904, 4 іюня).

²⁾ Ср. н. письма.

³⁾ Такъ, напр., о Черномъ Монахѣ см. у Мих. Чехова и у На. Щеглова и др.

виду литературы должны быть использованы при анализѣ продуктовъ его творчества, такъ что здѣсь мы на нихъ не останавливаемся. Общими мѣстами представляются въ воспоминаніяхъ замѣчанія о чрезвычайной наблюдательности А. П., его необыкновенной художественной памяти даже на звуки и запахи (внѣшней, механической памятью Чеховъ, по словамъ А. И. Куприна, не отличался), его воспріимчивости и находчивости и т. д. Безъ этихъ качествъ онъ, конечно, не былъ бы тѣмъ первокласснымъ художникомъ, какимъ мы его знаемъ по его произведеніямъ.

Сходятся, какъ уже было указано, всѣ авторы воспоминаній и въ оцѣнкѣ моральныхъ качествъ Чехова. Въ сонмѣ посмертныхъ похвалъ доброму, чуткому, безконечно внимательному и участливому большому писателю, который умѣлъ такъ просто и ласково обходиться съ каждымъ, обращающимся къ нему, былъ совершенно чуждъ всякаго чувства соревнованія и профессиональной ревности къ своимъ собратіямъ по дѣятельности, охотно давалъ указанія, „училъ“ младшихъ товарищей и т. д. — проступаетъ искреннее и глубокое чувство признательности многихъ памяти превосходнаго человѣка ¹⁾. Его называютъ „золотымъ сердцемъ“, натурой въ высокой степени деликатной, но въ то же время по своему гордой и независимой, нѣсколько застѣнчивой и тяготящейся всякими внѣшними проявленіями преклоненія его дарованіямъ. До какой степени въ Чеховѣ доходили присущая ему деликатность и забота о другихъ на первомъ планѣ, можетъ иллюстрировать хотя бы слѣдующая подробность изъ одного его письма къ А. С. Суворину („Нов. Вр.“) по поводу случив-

¹⁾ Даже случайныхъ знакомыхъ и иностранцевъ. Отмѣтимъ кстати чрезвычайно тепло и прочувствованно написанный очеркъ памяти Чехова г-на Делиса Роша, французскаго переводчика его рассказовъ, въ „Revue des Etudes francorusses“ 1904. Вотъ какъ описываетъ г. Рошъ свое послѣднее свиданіе съ Чеховымъ, въ Москвѣ: „Какое это тяжелое вышло свиданіе! Антонъ Павловичъ вышелъ ко мнѣ страшно худой, всѣ черты выдавали роковую болѣзнь, почти при каждой фразѣ онъ кашлялъ. И не смотря на все, сколько чего-то не выразио-обаятельнаго было въ немъ! Съ какимъ добродушіемъ говорилъ онъ мнѣ о своихъ новыхъ планахъ, дѣлалъ мнѣ указанія, что слѣдовало мнѣ прочесть. Съ какой любовью говорилъ о русскомъ искусствѣ, которымъ я такъ интересовался и о своемъ другѣ Левитанѣ, съ которымъ онъ одно время жилъ вмѣстѣ и котораго очень высоко ставилъ, какъ художника, съ какой изысканной любезностью онъ указалъ мнѣ на нѣкоторыя необходимыя знакомства и непремѣнно хотѣлъ меня видѣть въ театрѣ на представленіи одной изъ его пьесъ. Я оставался у него самое короткое время, крайне удрученный положеніемъ, въ которомъ я его засталъ и внутренне страдая за минуты переутомленія, которыя я ему причинилъ. Но онъ былъ необыкновенно ласковъ до конца. Никогда не забуду его послѣдней фразы при прощаніи: „До свиданія... весной, въ Парижѣ!“ Сколько мужества, сколько теплой надежды звучало въ этой прощальной короткой фразѣ. Бѣдный Чеховъ!.. Какъ разъ когда смерть уже стояла на порогѣ, онъ мечталъ посѣтить Францію, которую онъ такъ любилъ; и вернуться въ Крымъ непремѣнно черезъ Марсель“...

шагося съ нимъ сердечнаго припадка въ Ялтѣ, весной 1894 г. Чеховъ описываетъ свои ощущенія во время приступа сердечной боли и затѣмъ прибавляетъ: „Быстро иду по террасѣ, на которой сидятъ гости, и одна мысль: какъ-то неловко падать и умирать при чужихъ“.

Не близость смерти смутила Чехова: онъ думалъ только о неприятности, которую его смерть можетъ доставить гостямъ. Кажется, въ этомъ направленіи нельзя дальше уйти...

Внѣшній обликъ Чехова отличался какой-то неуловимостью. Ни одному изъ художниковъ, писавшихъ съ него портреты ¹⁾, не удалось запечатлѣть его образъ такъ, чтобы онъ вполне удовлетворилъ людей, близко знавшихъ Чехова или даже видѣвшихъ его нѣсколько разъ. Правда, его наружность, въ особенности отъ хода болѣзни за послѣдніе годы (а болѣлъ онъ, какъ оказывается, чуть что не 17 лѣтъ), не могла не измѣняться въ зависимости отъ состоянія его здоровья. Однако, г. Купринъ указываетъ, что, познакомившись съ Чеховымъ уже въ половинѣ 90-хъ годовъ, онъ не замѣтилъ въ немъ слѣдовъ болѣзни, „если не считать его походки—слабой и точно на немного согнутыхъ колѣняхъ“.

Выше мы привели описаніе Вл. Г. Короленко впечатлѣнія, которое производилъ Чеховъ въ цвѣтущую пору его молодости. Г. Сергѣенко говоритъ, что ему въ особенности запомнилась улыбка Чехова: „почти постоянно скользящая улыбка на губахъ Чехова была наиболѣе яркой примѣтой его личности. И кто хотѣлъ бы написать хорошій портретъ Чехова, минуя его характерную улыбку, тотъ не написалъ бы хорошаго портрета Чехова“. Это замѣчаніе можетъ быть не бесполезно будущимъ художникамъ, которые пожелали бы воссоздать образъ Чехова по фотографіямъ и по описаніямъ его наружности въ статьяхъ, посвященныхъ его памяти. Вотъ какъ передаетъ его черты г. Купринъ, указавшій при этомъ на различіе впечатлѣнія первой минуты, когда запоминалась только общая фигура—„что-то простоватое и скромное, что-то чрезвычайно русское, народное—въ лицѣ, въ говорѣ и въ оборотахъ рѣчи... какая-то кажущаяся московская студенческая небрежность въ манерахъ“—и затѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ, когда въ этомъ же человѣкѣ раскрывалось „самое прекрасное и тонкое, самое одухотворенное человѣческое лицо, какое только мнѣ приходилось встрѣчать въ моей жизни“.

¹⁾ Извѣстны три портрета Чехова въ масляныхъ краскахъ гг. Бакста, Кравченко и Нилуса, и рисунокъ карандашомъ г. Панова.

«Многіе въ послѣдствіи говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до страннаго общая всѣмъ, знавшимъ его. Глаза у него были темные, почти каріе, причемъ раекъ праваго глаза былъ окрашенъ значительно сильнѣе, что придавало взгляду А. П., при нѣкоторыхъ поворотахъ головы, выраженіе разсѣянности. Верхнія вѣки нѣсколько нависали надъ глазами, что такъ часто наблюдается у художниковъ, у охотниковъ, у моряковъ—словомъ у людей съ сосредоточеннымъ зрѣніемъ. Благодаря *pinse-nez* и манерѣ глядѣть сквозь низъ его стѣколъ, нѣсколько приподнявъ кверху голову, лицо А. П. часто казалось суровымъ. Но надо было видѣть Чехова въ инныя минуты (увы, столь рѣдкія въ послѣдніе годы), когда имъ овладѣвало веселье, и когда онъ, быстрымъ движеніемъ руки сбрасывая *pinse-nez* и покачиваясь назадъ и впередъ на креслѣ, разражался милымъ, искреннимъ и глубокимъ смѣхомъ. Тогда глаза его становились полукруглыми и лучистыми, съ добрыми морщинками у наружныхъ угловъ, и весь онъ тогда напоминалъ тотъ юношескій извѣстный портретъ, гдѣ онъ изображенъ почти безбородымъ, съ улыбающимся, близорукимъ и наивнымъ взглядомъ нѣсколько исподлобья. И вотъ—удивительно—каждый разъ, когда я гляжу на этотъ снимокъ, я не могу отдѣлаться отъ мысли, что у Чехова глаза были дѣйствительно голубые.

Обращалъ вниманіе въ наружности А. П. его лобъ—широкій, бѣлый и чистый, прекрасной формы: лишь въ самое послѣднее время на немъ легли между бровями, у переносья, двѣ вертикальныя, задумчивыя складки. Уши у Чехова были большія, некрасивой формы, но другія, такія умныя, интеллигентныя уши я видѣлъ еще лишь у одного человека—у Толстого.

Внѣшность Чехова детально описываетъ и г. Лазаревскій, замѣчающій при этомъ, что—„его наружность иногда мѣнялась въ зависимости отъ того, какъ была подстрижена его борода. Поэтому существуютъ его портреты какъ будто мало похожіе между собой“...

«Общее выраженіе его лица носило печать озабоченности. Когда онъ снималъ пенснэ, видны были мелкія морщины вокругъ его серьезныхъ и добрыхъ глазъ. Глядя на собесѣдника, онъ шурился, и казалось иногда, что онъ относится безучастно къ его словамъ. Но потомъ Чеховъ вдругъ вскидывалъ голову, на высокомъ его лбу кожа чуть двигалась, а надъ носомъ ложились двѣ глубокія вертикальныя морщины, и онъ начиналъ говорить самъ, не спѣша, глухимъ баскомъ, избѣгая всякихъ терминовъ (?), гладко и замѣчательно просто... Сидя, Чеховъ почти всегда клалъ ногу на ногу и очень рѣдко жестикулировалъ руками; его крупныя, удлинненныя пальцы покойно лежали на обострившихся колѣняхъ. Славная у него была улыбка, тихая и немного застѣнчивая. Чтобы сдержать ее, онъ едва замѣтно пожуетъ губами и потомъ опуститъ голову».

Сводя различныя описанія наружности Чехова, независимо отъ разной степени художественности ея передачи тѣми или другими авторами воспоминаній, мы приходимъ къ выводу, что образъ

его какъ-то больше жилъ въ сердцахъ людей, его близко знавшихъ, чѣмъ запоминался въ рельефныхъ чертахъ устойчиваго, внѣшняго облика. Сохранилось общее впечатлѣніе, при чемъ хотя и проступаетъ порой одна какая нибудь запомнившаяся подробность, но въ ея опредѣленіи усматриваются колебанія, указывающія, что, конечно, суть не въ этихъ внѣшнихъ чертахъ. Главное вѣдь не въ цвѣтѣ глазъ, которыя казались однимъ голубыми, другимъ—темно-карими, не въ причeskъ и не въ формѣ подстриженной бородки и т. п. Если г. Куприну запомнились уши Чехова, то лишь по соотвѣтствію съ общимъ обликомъ, почему авторъ воспоминаній и назвалъ ихъ—„интеллигентными ушами“. Сущственно то, что наружность, не только не бросающаяся въ глаза какими-нибудь рѣзкими особенностями, но даже какъ будто совершенно обыденная, уже мелькавшая передъ вами (многіе находили, при встрѣчѣ съ Чеховымъ, что онъ на кого-то походилъ, кого-то напоминалъ—земскаго врача, провинціальнаго учителя гимназіи, деревенскаго парня и т. п.), затѣмъ казалась неотдѣлимой отъ какого-то общаго впечатлѣнія обаятельности, которое одно запоминалось неизгладимо, впечатлѣнія душевной близости, почти сродства.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ и о характерѣ различныхъ воспоминаній о Чеховѣ, которыя мы посильно использовали для настоящаго очерка, не претендуя ихъ здѣсь исчерпать. Всѣ они проникнуты чувствомъ большой любви къ человѣку, котораго такъ рано, именно въ періодъ достиженія наибольшей зрѣлости таланта, на 45-мъ году жизни, унесъ недугъ, медленно подтачивавшій его силы, не умаяя въ немъ энергіи и бодрости духа до послѣднихъ фазисовъ болѣзни. Они свидѣлствуютъ также о чрезвычайно искреннемъ и сердечномъ отношеніи Чехова къ тѣмъ, кто его зналъ и любилъ. Нѣкоторыя воспоминанія носятъ по преимуществу інформаціонный характеръ, указывая на похвальную (и — по отношенію къ многимъ инымъ писателямъ—рѣдкую) заботу передать какъ можно болѣе точныхъ свѣдѣній и указаній, спасти отъ забвенія цѣлый рядъ мелочей изъ жизни и привычекъ Чехова, бесѣдъ съ нимъ и т. п. Чеховъ словно сообщилъ до извѣстной степени и своимъ почитателямъ, когда они воспоминаютъ о немъ, тотъ духъ объективности, скромности по отношенію къ себѣ, заботу о невозможной правдѣ передачи, которые ему самому были присущи въ столь высокой степени. „Истинные таланты всегда сидятъ въ потемкахъ, писалъ Чеховъ,—въ толпѣ, подальше отъ выставки“. Онъ, повидимому, самъ стремился такъ жить. Но, чураясь „вы-

ставки“, онъ никогда не уклонялся ни отъ какихъ знакомствъ и поддерживалъ обширныя и многоразличныя отношенія. Мы видимъ его „на короткой ногѣ“ и съ малыми, и съ выдающимися людьми. Во многомъ—сообщаемыя въ воспоминаніяхъ данныя сливаются по своей общности. Но затѣмъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ, соотвѣтственно индивидуальности автора воспоминаній, особыя черты и свойства Чехова, которыя онъ по преимуществу сумѣлъ подмѣтить и выдвинуть. Вѣдь только у г. Бунина, напримѣръ, мы встрѣчаемъ такой характерный разговоръ съ Чеховымъ, происходившій при вполнѣ поэтической обстановкѣ, въ теплую, тихую, лунную ночь, на южномъ берегу Крыма, ранней весной, по пути изъ Ялты въ Орианду:

— «Знаете, сколько лѣтъ еще будутъ читать меня? (спросилъ А. П.)—Семь. «Почему семь?»—спросилъ я.—«Ну, семь съ половиной».—«Вы поэтъ, Антонъ Павловичъ, сказалъ я.—А то, въ чемъ есть поэзія, живетъ долго и чѣмъ дольше, тѣмъ все сильнѣе... какъ хорошее вино». Онъ ничего не отвѣтилъ, но когда мы сѣли гдѣ-то на скамью, съ которой снова открылся видъ на блестящее въ мѣсячномъ свѣтѣ море, онъ скинулъ пенснэ и, поглядѣвъ на меня добрыми и усталыми глазами, сказалъ:—«Поэтами, милостивый государь, считаются только тѣ, которые употребляютъ такія слова, какъ «серебристая даль», «аккордъ» или «на бой, на бой, въ борьбу со тьмой».—«Вы грустны сегодня, А. П., сказалъ я, глядя на его простое, доброе и прекрасное лицо, слегка блѣдное отъ луннаго свѣта. Опустивъ глаза, онъ задумчиво копалъ концомъ палки мелкіе камешки, но когда я сказалъ, что онъ грустенъ, онъ шутливо покосился на меня. «Это вы грустны,—отвѣтилъ онъ. И грустны отъ того, что потратились на извозчика»...

Какъ вѣрно здѣсь переданъ тонъ чеховскаго разговора и какъ правъ былъ г. Бунинъ, не повѣрившій „поэту“ ни въ его квалификацію поэтовъ, ни въ предсказанье о краткости его посмертной славы, которая, по мнѣнію А. П., и начаться то должна была лишь черезъ шесть лѣтъ... Скромность положительно мѣшала Чехову быть справедливымъ по отношенію къ себѣ и дѣлала его плохимъ пророкомъ въ этомъ отношеніи.

Вл. Г. Короленко, которому Чеховъ по виду напомнилъ „деревенскаго парня“, не упустилъ отмѣтить черту удалаго задора, промелькнувшую въ ранней литературной дѣятельности Антона Павловича. Онъ вспомнилъ также настроеніе „русскаго и скателя лучшаго“ у Чехова, хорошо знакомое и автору воспоминаній. Эволюція творчества Чехова представилась ему съ наибольшей ясностью, въ исторически-обоснованной послѣдовательности.

М. Горькій больше другихъ „субъективизировалъ“ Чехова въ

передачѣ его разговоровъ именно своими, — Горькаго, — словами. Мастерски очертивъ то, что Чеховъ далъ ему, какъ писатель и человекъ, тѣ настроенія, которыя онъ въ немъ вызывалъ, Горькій съ особой яркостью оттѣнилъ ненависть Чехова къ пошлости и великодушно закончилъ свои отрывки воспоминаній словами о „большомъ, умномъ, ко всему внимательномъ человѣкѣ“, который прошелъ мимо „скучныхъ жителей своей родины“ и сказалъ имъ какъ разъ то, что слѣдовало имъ сказать: „стыдно такъ жить“.

А. И. Купринъ въ обрисовкѣ Чехова слѣдовалъ его хорошей традиции художественнаго реализма и чрезвычайно выпукло начерталъ образъ, оставляющій впечатлѣніе совершенно живого лица, въ обстановкѣ его жизненнаго обихода. Онъ далъ и наиболѣе цѣнные указанія о томъ, какъ и чему „училъ“ Чеховъ молодыхъ писателей. Онъ выдвинулъ въ немъ также черту нѣкотораго духовнаго одиночества, при равно-привѣтливомъ отношеніи ко всѣмъ...

Каждый видитъ то, что ему лично всего болѣе сродни, и цѣлостность изображенія проступаетъ лишь въ совокупности впечатлѣній многихъ лицъ, выдающихся писателей и болѣе скромныхъ, но добросовѣстныхъ наблюдателей и поклонниковъ, подчинившихся обаянію мощнаго таланта. Масштабъ опредѣляется угломъ зрѣнія: однимъ больше раскрылось, другимъ меньше, но и „большимъ“ не все попадаетъ на глаза, а добросовѣстность смотрящихъ съ меньшей высоты помогаетъ имъ открывать цѣнные крупинки, которыя пріобрѣтаютъ иногда важное значеніе въ интересахъ полной и безпристрастной истины.

Почти всѣ авторы воспоминаній говорятъ намъ и о томъ, какъ самъ Чеховъ къ нимъ относился, и цитируютъ его письма въ отрывкахъ или полностью. Вл. Г. Короленко не даетъ цитатъ, но мы узнаемъ изъ писемъ къ Плещееву, что Чеховъ называлъ его — „своимъ любимымъ изъ современныхъ писателей“. Отзывъ о М. Горькомъ мы приводимъ ниже въ одномъ изъ его писемъ, печатаемомъ здѣсь впервые, напомнивъ здѣсь кстати лишь то, что письмо датировано январемъ 1900 года: за истекшія шесть лѣтъ Горькій могъ, при измѣнившихся условіяхъ жизни, въ значительной степени избавиться отъ того „груза“, въ которомъ тогда упрекнулъ его Чеховъ. Вообще, онъ относился къ Горькому съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ, что особенно высказалось въ памятной исторіи исключенія Горькаго изъ списка почетныхъ академиковъ.

Проѣздомъ черезъ Москву, я былъ у Чехова какъ разъ въ то время, когда этотъ вопросъ стоялъ на очереди. Онъ живо разспрашивалъ о

впечатлѣніи, которое произвелъ инцидентъ съ Горькимъ въ Петербургѣ, о томъ, что говорить и что предполагаютъ предпринять академики, чтобы соблюсти правду и справедливость. При этомъ въ Чеховѣ промелькнула черта гордаго самосознанія человѣка, который не допускалъ мысли, чтобы его могли заподозрить въ исканіи популярности.— „Уйти сразу самому—это дешево,—сказалъ Антонъ Павловичъ. Я не хочу заискивать расположенія кого-бы то ни было. Но какъ быть?“.

Въ воспоминаніяхъ г. Куприна приведено письмо Чехова въ академію (впервые оно было напечатано въ „Освобожденіи“). Считаю умѣстнымъ здѣсь его повторить, такъ какъ оно прекрасно характеризуетъ настроеніе Чехова, который дѣйствительно рѣшалъ лишь вопросъ личной совѣсти, „никому не лстя“:

«Въ декабрѣ прошлаго года я получилъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики и не замедлилъ повидаться съ А. М. Пѣшковымъ, который тогда находился въ Крыму, первый принесъ ему извѣстіе объ избраніи и первый поздравилъ его. Затѣмъ, немного спустя, въ газетахъ было напечатано, что въ виду привлеченія Пѣшкова къ дознанію по 1035 ст., выборы признаются недѣйствительными, при чемъ было точно указано, что это извѣщеніе исходитъ изъ академіи наукъ, а такъ какъ я состою почетнымъ академикомъ, то это извѣщеніе частью исходило и отъ меня. Я поздравлялъ сердечно и я же признавалъ выборы недѣйствительными—такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи, примирить съ нимъ свою совѣсть я не могъ. Знакомство съ 1035 ст. ничего не объяснило мнѣ. И послѣ долгаго размышленія я могъ придти только къ одному рѣшенію, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, просить о сложеніи съ меня званія почетнаго академика. А. Чеховъ».

Почти одновременно съ отправкой Чеховымъ этого письма въ академію наукъ, онъ прислалъ мнѣ коротенькую записку изъ Ялты:

«К. былъ у меня въ Ялтѣ; мы поговорили и пришли къ рѣшенію, къ сожалѣнію, неизбѣжному—уйти. Крѣпко жму руку».

У Чехова дѣйствительно все выходило какъ-то очень просто и значительно. Не заключается ли въ этихъ коренныхъ его свойствахъ—простотѣ, искренности и содержательности—главная основа истиннаго величія духа?

О. Б а т ю ш к о в ъ.

Библиографія: 1904 г.—Вл. Короленко, Памяти А. П. Чехова, «Русск. Бог.», іюнь.—П. А. Сергѣенко, О Чеховѣ, воспоминанія, «Нива», ежем. прилож. № 70 (окт.).—А. М. Федоровъ, А. П. Чеховъ,

«Южн. Зап.», №№ 31—34 1905 г.—Ив. Бунинъ, 1) Памяти Чехова
Сборникъ тов-а «Знаніе», кн. III. Вл. Ладыженскій, Изъ воспомина-
ній объ А. П. Чеховѣ. «Міръ Божій», апрѣль. Борисъ Лазаревскій,
А. П. Чеховъ, Личныя воспоминанія, «Журн. для всѣхъ», № 7. Вл. А.
Тихановъ, А. П. Чеховъ, Воспоминанія и письма. «Міръ Бож.». № 10. М я-
х а и л ь Ч е х о в ъ, Объ А. П. Чеховѣ, «Журналъ для всѣхъ», № 7 —Ив.
Щегловъ, Изъ воспоминаній объ Антонѣ Чеховѣ, «Нива», ежем. прилож.,
№ 6—7.—А. В. Амфи те а т р о в ъ, Памяти А. П. Чехова, 1904 г. «Русь»
(перепеч. въ «Курганы», 1906 г.)—С. Я. Ел п а т ь е в с к і й «Русск. Вѣд.»,
1904, іюль. М е н ь ш и к о в ъ, «Нов. Вр.» 1904, № 10186. А. Суворинъ
«Нов. Вр.» 4 іюля 1904 г. и друг.

Въ 1902 году. Снятъ въ Ялтѣ